

ИМПЕРИЯ СТРАХА

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

**БРАЙАН
СТЭББОРА**

Брайан Стэблфорд
Империя страха
[Империя вампиров]

1988

Стэблфорд Б. М.

Империя страха [Империя вампиров] / Б. М. Стэблфорд — 1988

Что-то случилось...И наш мир пошел по ДРУГОМУ ПУТИ...И у человечества появились ХОЗЯЕВА – красивые, практически бессмертные, НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИ жестокие. Они правят странами и государствами – и в РЕДЧАЙШИХ СЛУЧАЯХ, в качестве ВЕЛИКОЙ МИЛОСТИ, обращают своих рабов в себе подобных. Но – как это происходит? И возможно ли людям это ПОВТОРИТЬ? Тайну бессмертия пытается постичь ученый Ноэль, за которым идет ОХОТА...

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	9
3	15
4	18
5	24
Часть 2	27
ПРОЛОГ	27
1	30
2	34
3	38
4	43
5	47
6	53
7	57
8	61
9	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Содержание
Брайан Стэблфорд

Империя страха

Посвящается моей жене Джейн, без чьей поддержки и помощи такая книга, как эта, никогда бы не была даже задумана, не говоря уж о ее написании.

Часть 1
ПЛОДЫ СТРАСТИ

*Мужчина, любящий женщину-вампира, не обязательно умрет молодым, но он не сможет жить вечно.
Валашская пословица.*

1

Это было тринадцатого июня года 1623 от Рождества Христова. В Большой Нормандии потеплело рано, и улицы Лондона купались в лучах солнца. Везде было много народу. Гавань осадили толпы нищих и уличных мальчишек. Они обсуждали слухи, приставали к морякам, радуясь сплетне и медной монете.

Посудачить было о чем: три корабля пришвартовались сегодня в гавани. Один из них, «Фримартин», пришел из южных морей с товарами Экваториальной Африки: слоновая кость, золото, шкуры экзотических животных. Были на борту и живые звери, которых привезли для князя Ричарда в Львиную башню. Рассказывали о трех львах, огромной змее и ярких попугаях, умеющих говорить...

Тихо было, пожалуй, только на чердаке Юго-западной башни, где трудился придворный механик князя Ричарда Эдмунд Кордери. На медной опоре, стоящей на верстаке, он осторожно укрепил небольшое вогнутое зеркало, улавливающее лучи полуденного солнца через отверстие в потолке. Главным в приборе были линзы, пропускавшие свет.

Он встал и отодвинулся, пропуская своего сына Ноэла.

– Скажи мне, все ли в порядке? – спросил он. – Не могу рассмотреть.

Ноэл прищурил левый глаз, правым приник к микроскопу, настроил резкость.

– Отлично. Это что?

– Крыло бабочки, – ответил отец.

Эдмунд проверил, все ли образцы готовы для показа. Ожидание леди Кармиллы наполнило его тревожным чувством, и это было неприятно. Даже в старые добрые времена она нечасто заходила в его мастерскую, а видеть ее здесь значило пробудить воспоминания, которые не приходили, когда он видел ее в Тауэре на праздниках.

– Образец с водой не готов, – сказал Ноэл. – Сделать?

Эдмунд покачал головой:

– Я приготовлю свежий, когда придет время. Все живое хрупко, тем более в капле воды.

Он посмотрел на верстак и спрятал тигель за кувшинами. Убрать мастерскую было невозможно, да и не нужно, но видимость порядка необходимо сохранить. Он подошел к окну, взгля-

нул поверх таверны «Холодная гавань» и башен Святого Томаса на искрящиеся воды Темзы, покатые крыши домов на противоположном берегу.

Отсюда, с высоты, фигурки людей во Внешнем дворе казались крошечными. Он здесь был выше, чем крест на куполе церкви у Кожевенного рынка. Взгляд Эдмунда задержался на этом символе. Нельзя, конечно, сказать, что он был очень набожен, но тревога заставила его перекреститься, бормоча молитву. И сразу же обругал себя за слабость.

«Мне сорок четыре, – думал Эдмунд. – Я ремесленник и больше не мальчик, который удостоился любви женщины. Мое волнение ни к чему».

Эти укору были не совсем справедливы. Не только то, что он был когда-то любовником Кармиллы Бурдийон, взволновало его. Тут смешалось многое. И то, что на верстаке стоял новый прибор – микроскоп. И то, что когда бы он ни проходил по Внешнему двору, за ним наблюдали, любые встречи были бы замечены. И то, что капитан судна, пришедшего из Африки, выполнил не только заказ Ричарда, привезя ему львов, но и поручение Невидимой коллегии.

Уже много лет Эдмунд жил, чувствуя опасность, и приучил себя оставаться спокойным. Другое дело – леди Кармилла. Связь с ней шла от сердца, и то, что она работала на Ричарда, став посредником между князем и ремесленником, ранило Эдмунда. Появление посредника показывало, что Эдмунд больше не был в фаворе. Он надеялся угадать по ее поведению, стоило ли ему опасаться.

Дверь распахнулась, и Кармилла вошла. Полуобернувшись, жестом отправила слугу прочь. С ней больше никого не было. Хотя пол был чистым, она пересекла комнату, приподняв подол юбки. Ее взгляд блуждал по полкам с горшками и бутылками, тиглю, токарному станку – всем многочисленным инструментам ремесленника.

И для вампиров, и для обычных людей эта комната казалась полной таинств, как каморка алхимика: такую устроил для себя несчастный Гарри Перси, будучи против своего желания гостем Мартиновской башни. Вероятно, леди Кармилла не усматривала большой разницы между работой ремесленника и короля духов. Всегда было трудно понять, как относятся вампиры к стремлению простых смертных к знаниям.

– Ты хорошо выглядишь, Кордери, – спокойно произнесла она, – но ты бледен. Не стоит закрываться здесь, когда в Нормандию пришла весна.

Эдмунд поклонился.

Она совершенно не изменилась с тех пор, как они были близки. Кармилле было уже четыреста пятьдесят лет, – не намного меньше, чем Ричарду, – но красота ее даже не начала увядать. Кожа была белоснежной, что свойственно вампирам Северной Европы, и сверкающе чистой, почти блеска серебра, – безошибочный признак бессмертия. Ни родинка, ни шрам – ничто не бросало тень на совершенство лица. Ее глаза были темно-карими, губы – с нежным изгибом, шапка волос – цвета воронова крыла – поразительный контраст с белизной кожи. У вампиров волосы редко остаются густыми после превращения, даже если они родились с пышной шевелюрой.

Он несколько лет не видел ее так близко и не мог подавить в себе волну воспоминаний. Его волосы стали седеть, а кожа – грубеть. Наверное, он совсем изменился. Но ее взгляд сказал, что она тоже вспоминает о чем-то, и не без нежности.

– Моя госпожа, – сказал он ровным голосом, – позвольте представить моего сына и ученика Ноэла.

Ноэл вспыхнул и поклонился.

Кармилла удостоила юношу улыбкой.

– Он похож на вас, Кордери, – сказала она и прибавила, взглянув на Ноэла: – Когда ты родился, твой отец был самым привлекательным мужчиной в Англии. Ты очень похож на него, можешь гордиться этим.

Она обратила свое внимание на прибор.

– Сделан хорошо? – спросила она.

– Да, конечно, – ответил Эдмунд. – Интересно задуман, и я был бы рад познакомиться с автором. Он строго оценил умение моего шлифовальщика линз, думаю, следующий прибор получится еще лучше.

Леди Кармилла села, и Эдмунд показал ей, куда смотреть, как навести резкость, повернуть зеркальце.

Она удивилась увеличенным во много раз крылу бабочки, насекомым, образцам стеблей и семян растений.

– Мне нужен скальпель поострей, рука поуверенней, – сказал он. – Прибор показывает, насколько я неуклюж.

– О нет, Кордери, – возразила Кармилла, – образцы замечательны. Но нам сказали, что здесь можно увидеть вещи более интересные. Например, живые существа, которых не различишь невооруженным глазом.

Эдмунд объяснил, как берут пробы воды, приготовил новую, взяв пипеткой каплю из кувшина, наполненного речной водой. Затем терпеливо помог леди найти мельчайшие создания, обычно невидимые, показав на существо, которое само было частичкой жидкости, на другие, передвигающиеся при помощи ресничек. Женщина в восхищении смотрела еще некоторое время, едва касаясь микроскопа длинными пальцами с накрашенными ногтями.

Она вдруг спросила:

– А другие жидкости вы тоже наблюдали?

– Какие жидкости? – спросил он, хотя вопрос был ясен и обеспокоил его.

– Кровь, Кордери.

Былое знакомство с ним научило ее уважать его ум, и сейчас Эдмунд почти жалел об этом.

– Кровь очень быстро свешивается, – сказал он. – Я не могу взять хорошую пробу. Для этого нужна большая сноровка, чем у меня. Но Ноэл сделал рисунки многих проб, которые мы изучали. Не хотите ли взглянуть?

Она была согласна изменить тему разговора, придвинулась к Ноэлу и стала рассматривать рисунки, иногда поглядывая на юношу и хваля его работу.

Эдмунд наблюдал за всем этим, вспоминая, как когда-то действовали на него ее капризы, как стремился угадать все ее желания. От одного из ее взглядов на Ноэла у Кордери внутри похолодело, он сам не знал, чего здесь больше – беспокойства за сына или ревности.

– Могу я показать их князю? – спросила вампирша, обращаясь не столько к Кордери, сколько к его сыну. Тот в замешательстве кивнул. Она выбрала несколько рисунков, свернула их в трубку и встала, глядя Эдмунду в лицо.

– Двор заинтересован в приборе, – сказала она. – Мы подумаем, нужны ли вам еще помощники, а пока вы можете заниматься обычным делом. Я пришлю за прибором, чтобы князь мог его осмотреть. Ваш сын хорошо рисует и будет поощрен. Приходите ко мне в следующий понедельник, в семь вечера. Мы поужинаем.

Эдмунд поклоном показал, что согласен: конечно, это был приказ, а не приглашение. Прошел вперед, открыл дверь, леди Кармилла вышла. Ее лицо было непроницаемым.

После ухода Кармиллы будто какая-то пружина распрямилась, освободив его. Он подумал, что его жизнь была в опасности, но эта мысль не взволновала.

«Это даже не мое изобретение, – думал он сердито. – После многих лет тщательных поисков, стремления раскрыть их секрет меня даже не считают опасным?»

Хотя у меня и есть прибор, но это же не я его придумал! Или они смотрят теперь иначе на наши ранние попытки, на магию Эрла Нортумберлендского и решили следить за всеми друзьями Фрэнсиса Бэкона?»

Ноэл тщательно раскладывал по местам показанные пробы. Он так делал уже на протяжении нескольких недель, с тех пор как начал помогать Эдмунду в работе. Как сказала Кармила, Ноэл был очень похож на отца, хотя не сравнялся с ним ни ростом, ни пытливостью и изобретательностью, которые выделяли Эдмунда среди других.

«Увы, – подумал Эдмунд, – я надеялся, что однажды я раскрою тебе причину моих поисков. Но сейчас, вероятно, мне придется отправить тебя подальше и доверить другому попечителю».

Вслух он произнес:

– Будь осторожен, сын. Стекло хрупко, его края остры: можно пораниться, если будешь неловким.

2

Опустились вечерние сумерки, Эдмунд зажег свечу на полке, сел, глядя на дрожащее пламя. Затем открыл книгу Антонио Нери «Арте Витрариа», рассказавшую Европе о тайнах венецианских мастеров стекольных дел, но не мог вдуматься в текст. Отложив книгу, наполнил бокал темным вином и не заметил, как вошел Ноэл. Когда юноша поставил рядом кресло и сел, Эдмунд протянул ему штоф. Ноэл взял, явно удивившись, нашел бокал, наполнил его и аккуратно отпил.

– Как, я уже достаточно большой, чтобы пить с тобой вино? – спросил Ноэл с легкой горечью в голосе.

– Ты достаточно большой, – заверил Эдмунд нарочито ласково. – Не злоупотребляй только и не пей в одиночестве, советую тебе как отец.

Ноэл потянулся через стол, чтобы дотронуться до микроскопа тонкими пальцами. Нечасто приходилось слышать отеческие советы. Эдмунд считал необходимым держать его подальше от опасных мыслей и неверных поступков.

– Чего ты опасаясь? – спросил Ноэл, подражая тону отца, стараясь говорить не как ребенок с отцом, а на равных.

Эдмунд вздохнул:

– Я думаю, что ты и для этого достаточно взрослый.

– Наверно, ты должен мне сказать.

Эдмунд взглянул на сверкающий медью прибор:

– Мне кажется, что такой прибор следовало держать в тайне, хотя бы на время. Один сметливый мастер, итальянец, как я осмелюсь предположить, желая угодить вампиров – мужчин и женщин, – выставил свое изобретение – гордый как петух, – чтобы услышать их аплодисменты. Конечно, эту штуку рано или поздно все равно бы открыли. Такой секрет нельзя хранить долго, тем более что все эти линзы сейчас вошли в моду.

– Ты будешь рад очкам, когда глаза начнут слабеть, – сказал Ноэл. – В любом случае не вижу зла в новой забаве.

Эдмунд улыбнулся.

– Новые забавы, – хмыкнул он. – Часы для определения времени, жернова для перемалывания пшеницы, линзы для усиления зрения. Токарные станки – вытачивать винты, монетные прессы – чеканить богатство империи. Все делают простые ремесленники, чтобы угодить хозяев. Кажется, нам удалось убедить вампиров, каким умным может быть человек и сколько еще можно узнать кроме того, что написано в мифах Греции и Рима.

– Ты думаешь, что вампиры начинают страшиться нас?

Эдмунд плеснул вина из штофа и протянул сыну опять.

– Они поддерживали науку, потому что считали ее простым развлечением, отвлекающим нашу энергию от обид и мятежных мыслей. Они не подозревали о плодах, которые стали собирать наши ученые. Великие перемены преобразуют мир, перемены, выкованные искусством и изобретательностью. Но империя бессмертных любит постоянство. Вампиры не верят в новое, как только оно выходит за рамки простой новинки. Да, это точно, вампиры начинают нервничать.

– Но простые смертные, беззащитные перед болью, болезнями и ранами, никогда не смогут угрожать их царству.

– Их правление покоится на страхе и предрассудках, – спокойно сказал Эдмунд. – Конечно, они долгожители и лишь немного страдают от болезней, смертельных для нас, у них есть волшебные силы восстановления. Но они не неуязвимы. Их империя более ненадежна,

чем они рискуют признать. После сотен лет борьбы вампирам не удалось навязать свое господство магометанам.

Ужас, на котором держится их правление в Галлии и Валахии, основан на невежестве. Высокомерие наших князей и рыцарей скрывает глубокий страх перед тем, что может случиться, если простые смертные освободятся от боязни перед вампирами. Им не так просто умереть, но смерти от этого они боятся не меньше.

– В Галлии и Валахии случались восстания против вампиров, но всегда терпели поражение.

Эдмунд кивнул.

– Но в Большой Нормандии три миллиона обычных людей и меньше пяти тысяч вампиров, – сказал он. – Во всей Галлии не больше сорока тысяч вампиров, в Валахии не больше. Я не знаю, сколько их может быть в Китае, или в Индии, или в сердце Африки за исламскими странами, но и там обычных людей должно быть значительно больше, чем вампиров. Если смертные будут видеть в своих хозяевах не полубогов или дьяволов, а просто более крепкие существа, империя вампиров станет хрупкой. Вампиры утверждают, что сотни лет жизни дают им ум, недостижимый для смертных, но в это верится все меньше. В этом мире почти все сделали руки простых смертных: голландские суда и ткацкие станки, нормандские пушки и стекло. Наше искусство механики превосходит их магическую силу, и они знают это.

– А разве вампиры не утверждают, что все это делает мир удобнее для смертных и что наше искусство механики – только жалкое подобие их магической силы, которой мы не обладаем?

Эдмунд взглянул на сына, скрывая чувство горечи.

Он был рад тому, что сын умеет вести дискуссию. Отдавая Ноэла другим учителям в раннем возрасте, думал, что так будет лучше. Однако за несколько недель более тесного общения он увидел многое в поведении мальчика, что напоминало о собственных склонностях, привычках. Это было приятно – любовь к сыну всегда жила в нем, только обстоятельства не позволяли раскрыться чувствам. Казалось, что это никогда и не случится. Может быть, сейчас была единственная возможность передать дальше ту частичку знания, которой владел, но никому не осмеливался доверить.

Он сомневался. Но никакого вреда не будет – не так ли? – от дискуссии и обсуждения, которые ученые затевали для развлечения.

– У вампиров есть сила, – согласился Эдмунд, – мы называем ее волшебной. Но что такое волшебная сила? Разве это волшебство, если мы ставим паруса так, что судно идет против ветра? Разве волшебная сила заключается в вакууме, при помощи которого мы выкачиваем насосами воду из шахт? Разве волшебство растворяет серебро в ртути, как сахар в воде? Все эти трюки кажутся волшебством для тех, кто не знает, как все это делается. Волшебство – это то, чего мы еще не понимаем.

– Но вампир очень отличается от обычного человека, – настаивал Ноэл. – Все дело в душе, здесь нет ничего общего с механикой. Душа в теле простого смертного слабее, чем душа в теле вампира. Простая физическая сила здесь не поможет.

– Простая физическая сила, – повторил Эдмунд. – Все же любопытно. Этот князь колдунов, Гарри Перси, столько лет просидевший в Мартиновской башне, стремился создать эликсир жизни, который уравнивал бы всех нас с вампирами. Рыцари Ричарда наблюдали все это с любопытством, называли его сумасшедшим князем – но наблюдали очень внимательно. Ричард был в восторге от его опытов в предсказаниях и от его изучения текстов алхимиков. Если Перси хотя бы приблизился к тем средствам, какими вампиры защищают себя, они убили бы его.

– Грегорианцы думают, что вампиры – исчадие ада, – сказал Ноэл. – Они говорят, что вампиры устраивают шабаши, на которых появляется Сатана, и что вампиры сильнее простых

смертных, поскольку ими владеют души дьяволов, помещенные в их тела Сатаной, когда они отrekliсь от Бога и присягнули пороку.

Эти слова обеспокоили Эдмунда. Было неразумно говорить это в Тауэре, могли подслушать. Осуждение отцом Грегори вампиров считалось большим мятежом против их господства, чем вооруженное восстание. Они поспешили заставить нового папу осудить Грегори как худшего из еретиков, дошли до того, что посадили вампира на трон Санкт-Петербурга, но не смогли отделаться от представления о них как о посланцах дьявола. Это была жуткая история – вид запрещенных слухов, в которых каждый мог найти что-то для себя, своей веры.

– Обычно полагают, что состояние вампиров, как и простых люфей, определено Богом, – напомнил Эдмунд сыну. – Церковь теперь говорит нам, что вампиры живут долго на земле, но это и привилегия, и бремя, поскольку приходится долго ждать Божьей милости.

– Ты хочешь, чтобы я поверил этому? – спросил Ноэл, зная достаточно хорошо, что отец неверующий.

– Не хочу, чтобы ты верил, что они пешки в руках дьявола, – мягко сказал Эдмунд. – Это не похоже на правду. Жаль, если кого-нибудь сожгут как еретика только за случайно высказанную истину.

– Скажи мне тогда, во что же ты веришь.

Эдмунд смущенно пожал плечами.

– Не уверен, что речь идет о вере, – сказал он. – Я не знаю. Их долголетие реально, как и сопротивляемость болезням, способность к самовосстановлению. Но разве действительно магия обеспечивает эти возможности? Готов поверить, что они производят таинственные ритуалы с заклинаниями, но не знаю, что это дает. Часто думаю, так ли уж они уверены в себе. Возможно, держатся за свой ритуал, как католики за мессу, последователи Магомета – за намаз, следуя привычке и вере.

Им известно, что делать, чтобы превратить обычного человека в вампира, но понимают ли они, что творят, не могу сказать. Иногда я думаю, не являются ли они такими же жертвами ужаса, который пытаются вселить в нас, как и мы.

– Ты веришь, что существует эликсир – зелье, которое обезопасит любого от болезней, ран, на много веков отсрочит смерть?

– Алхимики говорят о секрете, давно известном в Африке и который сейчас хранят вампиры. Но не знаю, верить этому или нет. Если бы вампиром можно было стать только при помощи волшебного варева, его секрет давно был бы раскрыт.

Ноэл в глубокой задумчивости смотрел на микроскоп. Потом сказал:

– Ты думаешь, что этот инструмент поможет раскрыть тайну сущности вампиров?

– Боюсь, что так думает Ричард. Он очень обеспокоен. Империя в тревоге, говорят, что «Фримартин» подтвердил слухи о действии африканской болезни как на простых людей, так и на вампиров.

Он произнес эти слова хмуро и удивился, услышав смех Ноэла.

– Если раскроем тайну, все станем вампирами, – произнес тот, – чью кровь тогда будем пить?

Это замечание было похоже на иронию ребенка. В первый момент Эдмунд хотел ответить в том же тоне, обернуть всю беседу в шутку, но понял, что сын хотел не этого. Смех Ноэла был признаком смущения, извинением за неудобную тему беседы. Но при разговоре о вампирах нельзя не говорить о питье крови, как бы это ни было неприличным. Кармила Бурдийон не постеснялась такой темы. Почему же должен смущаться Ноэл?

– Вампиры пьют человеческую кровь не для насыщения. Это не хлеб и не мясо, крови им нужно совсем немного. Но она им действительно необходима. Если вампира лишить крови, то он впадает в глубокий сон. Она доставляет им удовольствие, которое мы толком не можем понять. Это главное в тайне, делающей их такими чудовищными, такими бесчеловечными и,

следовательно, такими сильными. – Он замолк, почувствовав смущение, но не от неприличия сказанного, а потому что не знал, насколько Ноэл разобрался в источниках его осведомленности. Эдмунд никогда не рассказывал о тех днях, когда встречался с Кармиллой, тем более жене, которую встретил позже, или сыну, которого она ему родила, но от сплетен и слухов Ноэла оградить было нельзя. Должно быть, Ноэл знал, что произошло с его отцом.

Ноэл опять взял штоф и на этот раз наполнил свой бокал.

– Мне сказали, – произнес он, – что люди тоже получают удовольствие... предлагая свою кровь вампирам.

– Это не так, – пробормотал Эдмунд, – удовольствие, которое обычный мужчина получает с женщиной-вампиром, такое же, что и с обычной женщиной. Это может быть иначе для женщин с вампирами-мужчинами, но я подозреваю, что единственное удовольствие, которое они переживают, происходит оттого, что вампиры-мужчины редко занимаются любовью как обыкновенные мужчины. Любовницы вампиров возбуждаются еще потому, что надеются сами стать вампирами. Кажется, они пользуются преимуществом в этом отношении.

Эдмунд колебался, но все же не хотел оставлять начатую тему. Сын имеет право знать это и, может быть, должен. Он вспомнил, как Кармилла смотрела на юношу, сказав, что тот похож на отца.

– Возможно, в чем-то это и верно, – продолжал Эдмунд. – Когда Кармилла пробовала мою кровь, мне было приятно потому, что было приятно ей. Любовь к женщине-вампиру волнует, это и отличает ее от любви к обычной женщине – даже если любовник женщины-вампира очень редко становится вампиром – и никогда только потому, что он ее любовник.

Ноэл вспыхнул, не зная, как реагировать на откровенность отца. И, видимо, решив сделать вид, что этот разговор интересует его чисто теоретически, спросил:

– Почему же в Лондоне и других городах Галлии намного больше вампиров-женщин, чем мужчин?

– Точно никто не знает, – ответил Эдмунд. – Во всяком случае, обычные люди не знают. Могу сказать тебе о своих догадках, по слухам и своим рассуждениям, но ты должен понять, что об этом опасно даже думать, не то что говорить. Ты должен знать, что я многое от тебя скрывал, наверное, причину ты знаешь. Ты понимаешь, что если мы продолжим разговор, то это опасно для нас?

Ноэл кивнул. Он сделал еще глоток из бокала, показывая, что готов взять на себя любую ответственность, как взрослый. Ноэл стремился к знаниям, Эдмунда это радовало.

– Вампиры держат в тайне свою историю, – сказал Эдмунд. – Они пытались контролировать и создание истории людей, хотя появление печатных станков сделало это невозможным из-за распространения запрещенных книг. Похоже, что вампиры-аристократы пришли в Западную Европу в пятом веке с ордами Аттилы, покорившего Рим. Аттила, вероятно, достаточно хорошо знал, как превращать в вампиров тех, кто ему пришелся по вкусу. Здесь все началось с Этия, ставшего первым властителем Галльской империи, и Феодосия, который был императором Византии, прежде чем этот город вошел в Валашское ханство.

Из всех существующих сегодня князей и рыцарей-вампиров большинство происходят от Аттилы, из его рода, я слышал о детях-вампирах, рожденных женщинами-вампирами, но, кажется, это выдумки. Женщины-вампиры бесплодны, мужчины-вампиры же намного сильнее, чем обычные мужчины. Хорошо известно, что они редко соединяются между собой, хотя мужчины-вампиры по ночам побуждают своих любовниц пить кровь. Тем не менее любовницы вампиров сами часто становятся вампирами. Рыцари-вампиры утверждают, что это волшебный дар, но не уверен, что любое превращение в вампира задумано заранее и желанно.

Он сделал паузу, затем продолжил:

– Возможно, что сперма вампиров-мужчин несет семя, передающее вампиризм так же, как семя обычных мужчин делает женщин беременными, а, может быть, это происходит

случайно. Любовники-мужчины вампиров-женщин не становятся вампирами, как это часто бывает с женщинами – любовницами вампиров. Вывод подсказывает логика.

Ноэл, подумав, спросил:

– Как же получаются вампиры-мужчины?

– Превращение совершают другие мужчины-вампиры, – сказал Эдмунд. – Несомненно, превращение включает в себя определенные обряды и песнопения, возможно, эликсир, такой, как у графа Нортгумберлендского, но думаю, что в старых описаниях шабаша вампиров, представленных грегорианцами, мало правды, даже если предположить, что роль Сатаны играл вампир-вожак. – Он не уточнил свою мысль, но подождал, чтобы увидеть, понял ли его Ноэл.

На лице юноши отразилось отвращение, сменившееся недоверием. Эдмунд не знал, радоваться или печалиться тому, что сын смог проследить за логикой его суждений, но он не был удивлен. Рассказы грегорианцев о шабаше вампиров, в которых Сатана обвинялся в противоестественном половом сношении со своими приспешниками, были так невероятны, что их пересказывали, не пропуская ни одной детали. Кроме того, рядом с жилищем лорда-лейтенанта был позорный столб, к которому иногда приковывали провинившихся слуг. Для охранников с определенными склонностями было обычным навещать ночью позорный столб и использовать злополучную жертву, чьи кисти были прикованы к столбу. Прислуга в Тауэре знала это. Поэтому Ноэл имел представление о мужеложстве.

– Не все женщины, которые спят с вампирами, превращаются в вампиров, – продолжал Эдмунд, – поэтому они могут утверждать, что обладают волшебной силой. Но некоторые женщины никогда не беременеют, хотя живут с мужьями годами. Не уверен, стоит ли верить в эту волшебную силу.

– Говорят, – заметил Ноэл, – что обычный человек тоже может стать вампиром, если будет пить кровь вампира и узнает нужное заклинание.

– Это опасный миф, – сказал Эдмунд, – слух, который вампиры ненавидят по очевидным причинам. Они учиняют жестокие наказания, если кто-нибудь пытается это проделать, и я не знаю ни одного случая, чтобы кто-то стал вампиром таким образом. Женщины нашего двора большей частью становятся любовницами на одну ночь для рыцарей князя, сам же Ричард, несмотря на свою привлекательность, никогда не интересовался женщинами. Мы можем только гадать об обращении самого князя, что, вероятно, было задумано по политическим причинам, но говорят, что он был фаворитом того Вильяма, который включил этот остров в Галльскую империю в 1066 году. Кажется, его ценили больше, чем отца. Генри, и больше другого Генри – прадеда, которых обратили, обоих, в вампиров уже в пожилом возрасте. Вероятно, самого Вильяма обратили у Шарлеманя.

Ноэл вытянул руку ладонью вниз, провел ею над пламенем свечи так, что оно заколебалось из стороны в сторону, взглянул на микроскоп.

– Ты рассматривал кровь? – спросил он.

– Да, – ответил Эдмунд. – И сперму. Обычную кровь, конечно, и обычное семя.

– И?

Эдмунд покачал головой.

– Это – неоднородные жидкости, но прибор не подходит для тщательного анализа. Ты сам наблюдал: цветные блики искажают очертания, увеличение маловато. Там маленькие тельца – те, в семени, с длинными жгутиками – но их должно быть больше... много больше... для наблюдения, была бы только такая возможность. Завтра этот микроскоп исчезнет, и я не думаю, что мне разрешат построить другой.

– Тебе не грозит опасность, – запротестовал Ноэл, – ты важная персона, твоя верность никогда не стояла под вопросом. О тебе самом люди думают как о вампире, называют алхимиком или колдуном! Служанки на кухне боятся меня, потому что я твой сын; они крестятся, видя меня.

Эдмунд засмеялся с горечью:

– Несомненно, невежды подозревают меня в общении с чертями. Многие избегают моего взгляда, так как боятся дурного глаза. Но все это не относится к вампирам. Для вампиров я простой человек. Но если даже они ценят мое умение, они немедленно убили бы меня, если бы заподозрили, что я знаю что-либо опасное для них.

Ноэл явно встревожился.

– А она? – Остановился, потом опять продолжил. – Леди Кармила... разве она...

– Не поможет мне? – Эдмунд покачал головой. – Нет, даже если бы я был и сегодня ее любовником. Верность вампиров – только для вампиров.

Он встал, больше не чувствуя, что должен помочь сыну понять. Кое-что сын мог уяснить для себя только сам. Эдмунд взял свечу, пошел к двери, прикрывая пламя рукой. Ноэл последовал за ним, не удержавшись, чтобы не задать последний вопрос.

– Но... она любила тебя, не так ли?

– Наверное, да, – печально ответил Эдмунд Кордери. – По-своему.

3

Эдмунд вышел из Тауэра через Львиные ворота, и поглядывая, не следит ли кто за ним, быстро пошел в Петти-Уэйлс. Дома между причалом и воротами стояли во мраке, но движение на улицах не прекращалось. Даже в два часа ночи жизнь большого города не замирала полностью. Тьма спустилась, и только блики света мерцали на мостовой. В некоторых лампах масло выгорело, но в эту пору некому было их наполнить. Эдмунда тьма не беспокоила, напротив, вполне устраивала.

Подходя к набережной, он заметил, что двое следовали за ним по пятам, и притворился поздним гулякой, которому все равно, где ходить в эту пору. На набережной Эдмунд мигом нашел паромщика – единственного на берегу в этот неурочный час, – дал ему три трехпенсовые монеты за перевозку через Темзу.

Позади себя, в свете лампы, Эдмунд увидел обоих шпионов, решавших, преследовать ли его дальше. Один смотрел вдоль набережной на Ворота предателей, но даже ведьма на метле не смогла бы достичь моста Тауэр и вернуться по южному берегу к улице Пикл-Херинг, чтобы там перехватить его. Но было преждевременным поздравлять себя, потому что и на противоположном берегу могли притаиться агенты лорда-лейтенанта.

Он осторожно прошел к улице Друидов, прислушиваясь, нет ли за спиной чужих шагов. И услышал их, на этот раз шаги одного человека. Подойдя к Кожевному рынку, он решил уйти от преследования, слежка уже надоела. Если вампиры уничтожают кого-нибудь, то сначала сводят с ума по-кошачьему тихим преследованием. Хотелось скрестить свой меч с мечом шпиона, но такая спешка навредила бы сегодня ночью, и он усмирил свою ярость до следующего раза.

Он хорошо знал лабиринт улиц вокруг Кожевного рынка, так как родился неподалеку, на улице Распятия, и провел здесь детство. Будучи учеником часовщика, обучился владеть инструментом и прибыл в Тауэр вместе с Саймоном Стэртвентом под опекой Фрэнсиса Бэкона. Эдмунд считался лучшим из подмастерьев, хотя у него хватало честности признать, что он не добился бы должности, если бы не заинтересовал Кармиллу. Ее интерес к ловкости его пальцев и хватке совершенно отличался от задумок бедняги Фрэнсиса, надеявшегося стать вампиром, но из-за одной лишней взятки потерявшего даже должность канцлера.

В этом же округе жили и работали брат с сестрой, но он видел их очень редко. Они не очень гордились тем, что у брата была репутация колдуна, и, не являясь грегорианцами, полагали, что в его связи с Кармиллой есть что-то кошунственное. Иногда он отсылал сестре деньги. Ее муж часто уходил в море, и той иногда приходилось трудно.

Эдмунд осторожно шел по темным аллеям, выбирая путь среди куч хлама, не обращая внимания на визг крыс и держа руку на рукояти меча, который не пришлось обнажить. Полчища крыс на берегах Темзы под покровом темноты нападали на детей, иногда кусали гуляющих девок, но были слишком трусливы и хитры, чтобы нападать на взрослых мужчин.

Звезды скрылись за облаками, ночь была непроницаемо темна. Свет свечей мерцал в редких окнах, Эдмунд продолжал свой путь, время от времени касаясь знакомых стен. Скоро звук шагов преследователя стих, теперь Эдмунд был в безопасности.

Он спустился на три ступеньки в сторону от переулка, нашел небольшую дверь, отрывисто постучал, сначала трижды, затем еще два раза. Вскоре дверь открылась, и он быстро вошел внутрь. Дверь захлопнулась. Только сейчас Эдмунд смог расслабиться, понять, в каком напряжении находился.

– Зажги свечу.

Пламя осветило худое, морщинистое лицо женщины.

Глаза старухи были бесцветными, клочковатые седые волосы прикрывала полотняная шапочка.

– Господь с тобой, – прошептал он.

– И с тобой, Эдмунд Кордери, – проскрипела она.

Он нахмурился, услышав свое имя. Она намеренно нарушила правила, слабо и бессмысленно демонстрируя свою независимость. Старухе он не нравился, хотя всегда был любезен с ней. Она не боялась его, как многие другие, но считала отмеченным пороком.

Они работали вместе на Невидимую коллегия почти двадцать лет, но она никогда полностью не доверяла ему. Он всегда был для нее любовником вампира.

Проводив его дальше, ушла.

Из тени появился незнакомец, небольшого роста, крепкий, лысый, примерно лет шестидесяти, по-особому перекрестился, Эдмунд сделал то же.

– Я Эдмунд Кордери, – сказал он. – Вам поручили уход за львами Ричарда и другими животными на борту «Фримартина»?

– Это так, – ответил мужчина. – Мне пришлось заботиться обо всех животных.

Голос был почтительным, но без тени страха. Он слегка выделил слово «всех» легкой иронией. Эдмунду он показался не простым матросом, а образованным человеком.

– Вы хорошо послужили Ричарду, а коллегии – еще лучше, – сказал Эдмунд подчеркнуто вежливо.

– Да, так и было, – согласился незнакомец, – хотя то, что ваши друзья просили сделать, было безумием. Думаю, вы не знаете, с чем играете.

– Конечно, знаем, сэр, – ответил Эдмунд холодно. – Естественно, я знаю. И понимаю, что вы смелый человек. Не думайте, пожалуйста, что ваше поручение недооценили.

– Надеюсь, вас не затруднил приход сюда, – сказал крепыш.

– Ни в коей мере. – Эдмунд сразу уловил значение этих слов. – Двое следили за мной от Тауэра, но остались на другом берегу. Еще один шел за мной на южном берегу, но было несложно отделаться и от него.

– Это не очень хорошо.

– Возможно. Но слежка связана с другими делами. Вам здесь нечего опасаться; если животные чувствуют себя хорошо, Ричард будет щедр с вами. Он любит своих львов, поэтому его и прозвали Львиное Сердце. Он горд своей репутацией.

Собеседник кивнул без особой уверенности.

– Попросив об услуге, мне сообщили, что это требуется для Фрэнсиса Бэкона, – оказал он. – Мне велено передать, что коллегия не хочет, чтобы вы рисковали; Я мог бы оставить этот подарок у себя, даже уничтожить.

– Уничтожить! Зачем же вы рисковали своей жизнью, когда везли животных сюда! Так или иначе, не стоит гадать, чего коллегия хочет от меня. Главное, что это знаю я.

Крепыш покачал головой.

– Простите, если вам показалось, что я в вас сомневаюсь, сэр, – сказал он, – но один джентльмен, ваш друг, беспокоился, очень беспокоился о вас.

– Мои друзья, – ответил Эдмунд, – иногда чересчур заботливы.

Его голос посуровел. Он посмотрел в глаза крепыша, давая понять, что здесь торг неуместен.

Тот кивнул в знак подчинения тайной власти и вытащил из-под кресла большой ящик, обитый кожей, с рядом небольших отверстий в стенке. Внутри что-то шуршало.

– Вы точно выполнили инструкции? – спросил Эдмунд.

Крепыш кивнул:

– Когда двое гибли, двоих сажали кормиться на трупы. Из-за этого и из-за питона там... Он вдруг замолчал, задержав руку, протянутую Эдмундом к ящику.

– Сэр, не открывайте его, прошу вас! Не здесь!

– Бояться нечего, – сказал Эдмунд.

– Вы не были в Африке, сэр. Поверьте, там все напуганы. Говорят, что вампиры тоже гибнут, хотя там, где были мы, их не было. Африка – странный и опасный континент, Кордери. Никто, побывав там, не может, вернувшись, сказать, что в этом крае нет ничего страшного.

– Знаю, – сказал Эдмунд, думая о чем-то своем. – Это другой мир, где все шиворот-навыворот, где люди черные, а вампиры – не господа. Я сказал, что думаю о вашей храбрости, но прошу, избавьте меня от дорожных сплетен.

Отодвинув руку крепыша, он развязал веревки и чуть-чуть приподнял крышку.

В ящике находились две большие черные крысы, бросившиеся в тень. Эдмунд закрыл коробку и завязал веревки.

– Это меня не касается, сэр, – неуверенно произнес моряк, – но, видимо, вы не совсем правильно поняли, что там, в ящике. Я был в Корунне, Марселе. Там помнят разные эпидемии, тревожные слухи уже поползли во все стороны. Сэр, если бы что-либо подобное появилось в Лондоне...

Эдмунд, взвесив в руках ящик и убедившись, что его вес невелик, прервал крепыша:

– Это не ваша забота. Вам теперь следует забыть происшедшее. Я свяжусь с вашими хозяевами и все решу сам.

– Извините, – сказал крепыш, – но какой смысл уничтожать вампиров, если при этом мы должны погибнуть сами? Если необдуманно напасть на вампиров, произойдет ужасная трагедия – гибель половины обычных людей в Европе.

Эдмунд сердито посмотрел на собеседника.

– Вы слишком много говорите, – сказал он. – В самом деле, мы зашли слишком далеко в этом разговоре.

– Простите, сэр. – Беспокойство моряка было чистосердечным.

Несколько мгновений Кордери размышлял, стоит ли давать более подробное объяснение, но давний опыт подсказал ему, что в подобных ситуациях лучше много не говорить. Заранее нельзя предугадать, с кем и когда будет человек говорить, а значит, и последствия. В любом случае, не было никакой уверенности в том, что дальнейшие пояснения успокоят если не совесть, то страх собеседника.

Эдмунд взял ящик. Крысы скреблись внутри. Свободной рукой Эдмунд перекрестился.

– Господь с вами, – сказал крепыш искренне.

– И с вашим духом, – ответил Эдмунд, думая о своем. Он вышел, не останавливаясь для обычных слов прощания со старухой.

Эдмунд быстро шагал по темным улицам, держась свободной рукой за рукоять меча. На этот раз он пересек мост Тауэр, хотя и знал, что там его могут поджидать люди. Они не посмеют тронуть его, но последуют за ним до Тауэра и, если он выйдет из башни, то до его жилища на Холме. Они доложат лорду-лейтенанту о ящике, но, если попытаются узнать, что в нем, ящик не найдут.

Он прошел к Тауэру сквозь Ворота предателей. Кордери знал, что не покинет крепость через эти ворота, чтобы ни произошло с ним в следующие несколько дней, и их название приобрело новый мрачный смысл. Он хотел сделать так, чтобы месть вампиров за измену не смогла достичь его.

4

Наступил понедельник. Эдмунд и Ноэл отправились в палаты Кармиллы, в галереи рядом с Соляной башней.

Ноэл раньше не бывал в таком жилище, здесь все его поражало. Эдмунд, наблюдая восхищение парня коврами, зеркалами, резьбой, мебелью, невольно вспомнил свой первый приход сюда. Тут ничего не изменилось, все будило воспоминания.

Молодые вампиры довольно часто меняют обстановку, им нравится все новое, их пугает собственная неизменность. Кармилла уже давно прошла этот период. Она привыкла, приспособилась, ее интересы были подчинены вечности. Новинки допускались лишь в строго контролируемых областях жизни, как, например, перенос эротических привязанностей с одного любовника на другого.

Богатая сервировка стола тоже изумила Ноэла.

Обычно он пользовался ножами и вилками из посеребренного олова, хотя купленные отцом вилки были из чистого серебра. Здесь же все приборы были из серебра, даже солонки и перчатки. Вместо керамических сосудов для питья здесь были хрустальные кружки и резные графины для вина. Овальный стол с гнутыми ножками покрывала тонкая полотняная скатерть с персидским узором. Единственное, что было общим у Кармиллы Бурдийон с Эдмундом Кордери, – это глазурованная глиняная посуда из Саутуорка, украшенная голубой росписью из переплетенных цветов.

Явно смущал Ноэла и выбор блюд. У себя дома парень съедал то, что ему дали, но здесь ему нужно было выбирать. Когда подали два первых блюда, Эдмунд, уловив взгляд сына, выбрал что-то для себя, и тот последовал его примеру.

Ноэл быстро привык к постоянно появляющимся у стола слугам. Со вторым он справился более уверенно.

На официальных приемах Эдмунд всегда стремился подчеркнуть свое невысокое звание – придворный механик, – и соответственно одевался. Сегодня же ему предстояло выступать в другой роли. Готовясь к визиту, Кордери достал из шкафа платье, которое не надевал уже много лет. Ноэл, заметив превращение отца в блестящего джентльмена, понял, что это неспроста.

Эдмунд, ограничивая себя в еде и напитках, был доволен тем, что Ноэл поступал так же, следуя примеру отца, несмотря на соблазны богатого стола.

Когда со вторым было покончено, слуги внесли сладости, горячее вино с молоком и сахаром, приправленное пряностями.

– Нравится? – спросила Кармилла, видя, что Эдмунд попробовал напиток. – Это рецепт твоего друга Кенелма Дигби.

Теперь удивился Эдмунд. Кенелм Дигби всего на несколько лет старше Ноэла. Он действительно был другом Эдмунда, но являлся также членом Невидимой коллегии, и услышать его имя здесь было тревожным сигналом. Кенелм был сыном сэра Эдварда Дигби, казненного в 1606 году за случайное участие в подготовке «Порохового заговора» – дерзкой, но рискованной попытки уничтожить князя Ричарда.

– Не знал, что он посещает двор, – вежливо солгал Эдмунд. Ему было любопытно, хочет ли Кармилла сделать Дигби следующим фаворитом.

– Напиток замечателен, – сказал он, отодвигая бокал, – но после всех этих блюд больше нет аппетита.

Какое-то время леди довольствовалась обычным обменом любезностями с гостями, но быстро перешла к главному.

– Наш любезный князь Ричард, – сказала она Эдмунду, – восхищен вашим прибором, находит его весьма интересным.

– Тогда я дарю его князю, – ответил Эдмунд. – Готов сделать еще один микроскоп, для вас.

– Я бы не этого хотела, – сказала она холодно, – я имею в виду другое. Князь и лорд-лейтенант обсуждали некоторые задачи, которые вы могли бы не без успеха выполнить. Инструкции вам сообщат.

Эдмунд поклонился в знак признательности.

– Придворным дамам понравились рисунки, которые я показала, – сказала Кармила, обращаясь к Ноэлу. – У тебя хорошая рука. Ты хотел бы стать портретистом, рисовать милых вампиров?

– Я бы хотел стать механиком, – ответил Ноэл.

– Естественно. Ты же очень похож на отца. Не так ли, Эдмунд?

– Ему еще надо расти, – ответил механик.

Кармила опять обратилась к Ноэлу:

– Даже Ричарда восхитило то, что в кружке воды из Темзы могут жить тысячи мельчайших живых существ. Как ты полагаешь, в наших телах тоже могут обитать бесчисленные невидимые насекомые?

Ноэл собрался было ответить, потому что вопрос предназначался ему, но Эдмунд мягко вмешался.

– Есть существа, которые могут жить на нашей коже, – сказал он, – и черви внутри нас. Нам говорят, что макровселенная, в сущности, воспроизводит микрокосмос человеческих существ; возможно, внутри нас есть еще меньший микрокосмос, который воспроизводит нас опять, в невероятном уменьшении. У лорда Нортумберлендского есть кое-какие мысли на эту тему, я читал...

– Я слышала, Кордери, – перебила его Кармила, – что болезни, поражающие обычных людей, могут переноситься такими мельчайшими существами.

– Мысль о том, что болезни переносятся от человека человеку крошечными существами, не нова, – ответил Эдмунд, – но я не знаю, как их можно распознать. Думаю, что существа в речной воде не похожи на болезнетворных. Гален говорит нам...

– Меня беспокоит мысль о том, – сказала она, опять прервав его, – что в наших телах могут жить существа, о которых мы ничего не знаем, и что с каждым вздохом в нас проникают невидимые, неосознаваемые изменения. Это тревожит меня.

– Не стоит беспокоиться, – возразил Эдмунд. – Плевелы распада легко закрепляются в человеческой плоти, но не в вашей.

– Вы знаете, что это не так, Кордери, – спокойно сказала она. – Вы видели, как я болела.

– Это была оспа, убившая множество людей, моя госпожа, у вас же лишь немного поднялась температура.

– Капитаны голландских судов сообщают, что эпидемия, свирепствовавшая в Африке и достигшая юга Галльской империи, не отличает обычных людей от вампиров.

– Это все слухи, моя госпожа, – сказал Эдмунд успокаивающе, – вы знаете, что чем дальше путешествует новость, тем невероятнее она становится. Сомневаюсь, чтобы эта болезнь была хотя бы наполовину так страшна, как ее описывают байки путешественников.

Кармила обернулась опять к Ноэлу, назвав его по имени, так что на этот раз Эдмунд не мог ответить сам.

– Ты боишься меня, Ноэл? – спросила она.

Юноша вздрогнул и пробормотал: «Нет».

– Не надо лгать, – сказала она. – Боишься, потому что я вампир. Эдмунд Кордери – скептик, видимо, сказал тебе, что вампиры – не такие уж волшебники, как думают некоторые. Но он должен был сказать тебе, что женщина-вампир может навредить тебе, если захочет. Ты сам хотел бы быть вампиром, Ноэл?

Ноэл задержался с ответом:

– Да, наверное.

– Конечно, хотел бы, – промурлыкала она. – Все люди стали бы вампирами, если бы смогли. Не имеет значения, что они утверждают, когда преклоняют колени в церкви, благодаря Бога за то, что они есть. Мужчины могут превратиться в вампиров: бессмертие в наших силах. Таким образом мы всегда пользовались верностью и преданностью большинства подданных. Мы справедливо вознаграждали преданность. Некоторые присоединились к нам, многие вкусили от плодов нашей благосклонности. Даже благородным среди обыкновенных людей, которых в Англии называют лордами и баронетами, есть за что нас благодарить, потому что мы всегда щедры к тем, кого любим.

– Я ему сказал то же самое, моя госпожа, – заверил ее Эдмунд.

– Не сомневаюсь, – проговорила Кармила, – но все же, если бы я спросила, серьезно ли ты хочешь стать вампиром, ты бы не сказал «да». Я права?

– Сказал, как думал, – ответил Эдмунд. – Это все, что могу пожелать. Я не благородного происхождения, даже среди обыкновенных людей.

– Конечно, – согласилась она. – Ты всегда любил делать все своими руками, работать с металлом и огнем, что-нибудь изобретать и узнавать все о механике. Тебе все удавалось, Эдмунд, я уверена, что ты передал наши похвалы сыну, сказал ему, какие мы прекрасные хозяева, объяснил, как князья-вампиры спасли Европу от мрака и что, пока правят вампиры, варварство будет держаться в рамках? Несомненно, сказал, что наше правление не всегда было мягким, мы не терпим отступников, но так же справедливы, как и суровы. Было бы значительно хуже – не так ли? – если бы Галлия осталась под властью тех ужасных сумасшедших римских императоров?

– Боюсь, госпожа, что моя работа не всегда позволяла контролировать воспитание сына, – ответил Эдмунд, – но у него были лучшие наставники двора в латыни, греческом, риторике и истории.

– Уверена, что он хорошо учил уроки. – Кармила опять обратилась к Ноэлу: – Есть люди, стремящиеся помешать нашему правлению, уничтожить нас, ты знаешь это?

Ноэл не знал, как ответить, и ждал, что еще она скажет. Казалось, его неловкость немного выводит ее из себя, и Эдмунд обдуманно не прерывал затянувшуюся паузу. Он видел, что его слова не убеждают ее. Возможно, подумал он, плохое впечатление от Ноэла может еще сыграть ему на руку.

– Существует группа мятежников, – вновь заговорила Кармила, – стремящихся раскрыть тайну обращения вампиров. Они насаждают мысль о том, что смогут сделать всех людей бессмертными, как только узнают, что для этого надо. Но это и ложь, и глупость. Тайное общество просто-напросто рвется к власти.

Леди-вампир остановилась, чтобы заказать еще одну бутылку вина. Ее взгляд блуждал между неловким юношей и его уверенным в себе отцом.

– Верность вашей семьи, конечно, вне всякого сомнения, – продолжила она. – Никто не понимает действие общества лучше механика, который знает, как уравновесить силы, как взаимодействуют и опираются друг на друга различные детали государственной машины. Кордери, видимо, представляет себе, что здравомыслие правителей похоже на ум часовых мастеров, не так ли, Эдмунд?

– Вы правы, моя госпожа, – откликнулся Эдмунд.

– Не исключается, – добавила она странно отрешенным голосом, – что хороший механик может заслужить обращение в вампира.

Эдмунд был достаточно умен, чтобы не расценивать эти слова как предложение или обещание. Он взял бокал с вином, налитым из новой бутылки, и сказал:

– Моя госпожа, есть вещи, которые мы могли бы обсудить вдвоем. Я отошлю сына?

Кармила слегка прищурилась, но выражение ее лица не изменилось. Эдмунд затаил дыхание, зная, как сложно навязать ей какое-либо решение.

– Молодой человек еще не закончил свой обед, – сказала она.

Эдмунд не стал спорить. Она явно не хотела, чтобы Кордери-младший ушел сейчас.

– Как ты думаешь, Ноэл, – сказала она, – почему большинство обыкновенных людей настроено, против нашего правления?

Ноэл был взволнован. Эдмунд попытался отвлечь внимание Кармиллы от коварного допроса, но понял: ему хода беседы не изменить, и теперь хотел знать, использует ли она сына, чтобы спровоцировать отца, или просто увлечена жестокой игрой.

Она была способна быть жестокой. Эдмунд знал это как никто другой.

– Ноэл не сможет ответить, – сказал он резко. – Может быть, объясню я?

– Очень хорошо. – Глаза Кармиллы на недовольном лице округлились.

– Обычные люди, – начал Эдмунд, – считают, что вампиры очень жестоки, что вампиру совершенно безразлична боль, напряги он волю. Люди не могут не завидовать этому безразличию, тем более что закон предусматривает в качестве их наказания всевозможные пытки. Любого могут заточить в затхлую темницу, где его будут бить плетьюми, отрубят руки и опустят обрубки в кипящую смолу. Узников распинают на дыбе, ломая кости, рвут тело клещами, выдергивают руки и ноги. Все знают, что подобное происходит в подземельях этого замка.

Вы упомянули о Кенелме Дигби и волей-неволей напомнили мне, что случилось с его отцом, хотя он, можно сказать, не принимал участия в заговоре против князя. Его и еще троих, если вы припомните, моя госпожа, избили так, что кожа висела клочьями, а затем привязали к лошадям и протащили целую милю к плахе во дворе церкви Святого Павла, по улице среди толпы зрителей. Веревку, на которой повесили сэра Эдварда, верный палач – слуга Ричарда обрезал, когда тот еще не успел и сознание потерять, не то чтобы задохнуться. Затем он был четвертован, а его сердце вырвали на потеху толпе. Это был добрый человек, не заслуживший такой смерти за то, что помог мятежникам, сам того не зная.

Обыкновенные люди, моя госпожа, верят, что такое не случилось бы, если их судили простые смертные. О, они слышали о Нероне и других сумасбродных римлянах, но не верят, что простые люди, наши современники, могли бы подвергнуться себе подобных таким мучениям. Христиане не сочувствуют язычникам-туркам, но им становится страшно, когда они слышат, что Влад устроил пленникам после овладения Византией. Когда наш Ричард сражался с сарацинами, а Шарлемань подписал договор с Гаруном аль-Рашидом, дела обстояли иначе. Но наше время стало еще мрачнее. Подозреваемых в грегорианской ереси сжигают в Галлии ежедневно. Если такое количество людей идет на костер, разве можно попрекать кого-либо в том, что они видят в вампирах дьяволов? Вот почему, моя госпожа, многие обыкновенные люди ненавидят вас.

Эдмунд взглянул на Ноэла и увидел, как испугался сын за его судьбу. Высказать такое вампиру в лицо! Но Кармила не злилась. Наоборот, явно довольная, громко рассмеялась.

– О Эдмунд, – сказала она, – я забыла, что такое – спор с честным человеком!

– Но, отец, – заметил Ноэл, – вы же только описали то, о чем могут думать другие люди.

– Моя госпожа знает, – мягко проговорил Эдмунд, – что я не грегорианец. А я знаю, что она не дьявол. Но ей известно также, что мне жаль тех, кто идет на костер по глупости. Хотелось бы, чтобы мир стал лучше, понимаю, почему некоторые полагают, что он таким никогда не будет, потому что наши правители не понимают, что на деле руководит жизнью простых смертных.

– Что же это? – спросила Кармила уже без смеха.

– Страх, моя госпожа, – сказал Эдмунд. – Страх перед смертью, но особенно перед болью. Мы все умрем, даже если наши правители не умрут. Но людям бывает больно, еще больнее становится от того, что те, кто причиняет им эту боль, никогда не будут так страдать сами.

– Мы наказываем вампиров, виновных в преступлениях, – бросила Кармила.

– О да, вы их убиваете. Но вы не причиняете им боль, потому что не можете. Вы все не чувствуете ее, если только сами этого не захотите. Разве не так?

– Так, – согласилась она. – Но скажи мне, Эдмунд, разве люди более счастливы там, где ими управляют обыкновенные люди? Ты жалеешь турок, но разве не жалеешь их жертв? Что, разве нет страдания в мире арабов, которые отрубают руки вора, казнят убийц, жестоко пытаются и держат рабов! В Галлии же нет рабов, за исключением преступников и магометан – гребцов на галерах.

– Вы правы, моя госпожа, – сказал Эдмунд, – напомнив мне, что дикари остаются дикарями. Не сомневаюсь в том, что дела в центре Африки обстоят так же плохо, даже если поверить, что обычные люди могут там править вампирами. Но народ Галлии – христиане, которые знают, что должны любить друг друга. Вы не можете упрекать бедняг – последователей Христа, полагающих, будто вампиры-князя не помнят этой христианской заповеди. Они верят, что короли – обычные люди понимали бы боль, кроме того, были бы христианами и не стали бы делать то, что делают вампиры-князя. Возможно, они ошибаются, но они верят в это.

– Ты думаешь, им удастся занять наше место? – спросила она. Сейчас ее голос звучал жестче.

– Я думаю, что они это могут, моя госпожа. Когда-то всех вампиров Европы объединили завоевания, приведшие далеко на север, расширившие Галльскую империю до Дании, Британских островов, а Валахию – глубоко в пределы России. Потом вампиров Галлии и Валахии объединила угроза общего врага – турок. Но турки сейчас присмирели, ушли из Византии. Придет время, когда управляемые вампирами народы перессорятся, – расколота на части империя однажды рухнет.

– По вашим собственным расчетам, – холодно возразила она, – у вампиров всегда будет общий враг.

Эдмунд улыбнулся и признал правоту ее довода, приподняв бокал с вином. Он посмотрел на Ноэла, стараясь угадать настроение Кармиллы после спора.

– Думаю, что для сына уже достаточно вина, моя госпожа, – сказал он. – С вашего разрешения, я отошлю его. Хотелось бы обсудить с вами один вопрос, с глазу на глаз.

Кармила посмотрела испытующе, затем согласно махнула рукой. Ноэл быстро поднялся и, краснея, вышел. Эдмунд спокойно смотрел на парня, не обращая внимания на его извиняющийся взгляд. Он знал, что сын последует его советам, и не хотел вызвать подозрения.

Когда Ноэл удалился, Кармила прошла из столовой в другую комнату. Эдмунд последовал за ней.

– Вы самоуверенны, мастер Кордери, – сказала она.

Он отметил изменение в отношении к нему и понял, что эта партия еще далека до выигрыша.

– Я задумался, моя госпожа, – слишком много воспоминаний.

– Мальчик будет мой, – сказала она, – если я так решу.

Эдмунд поклонился, но промолчал.

– Вы будете ревновать?

– Да, моя госпожа, – сказал Эдмунд, – буду. Но я старею, в свою очередь, он должен стать мужчиной, каким когда-то был я. Что же касается вас, вас время не изменит.

– Я не хотела заниматься любовью сегодня вечером. Соблазнять вашего сына не собираюсь. Вопрос, который вы будете обсуждать со мной, – это наука или измена?

– Наука, моя госпожа. Как вы сами сказали, моя верность не вызывает сомнений.

Кармила прилегла на софу, указав Эдмунду на кресло рядом. Они были в прихожей ее спальни, в воздухе чувствовался запах тонких духов.

– Говори, – сказала она.

– Знаю, Ричарда интересует, что может раскрыть мой прибор, – начал он. – Но, думаю, вы знаете достаточно хорошо, что открытие, раз уж оно сделано, будет сделано опять, его нельзя похоронить. Хотите мой совет, леди Кармила? – Он намеренно выбрал более интимную форму общения и со злорадством отметил, что ей это не очень понравилось.

– Ты хочешь дать совет, Эдмунд?

– Да. Не пытайтесь управлять тем, что происходит в Галлии из-за постоянных репрессий. Если ваше правление будет таким же немилосердным, как в прошлом, может начаться разрушительный процесс. Наилучший выход, если вампиры Большой Нормандии постепенно уступят власть парламенту, состоящему из простых смертных, которые смогут указать путь к лучшему миру.

Вампирша запрокинула голову, глядя на потолок, и изобразила короткий смешок.

– Не могу принять совет. Князь Львиное Сердце полагает, что правит согласно высшему праву по своему кодексу чести. Он уверен, что простые люди признают справедливость его требований.

– Я тоже думал об этом, моя госпожа, – в тон ей ответил Эдмунд. – И должен был высказать свои мысли.

– У обычных людей свое собственное бессмертие, – проговорила она. – Церковь обещает его. Ваша вера говорит, что человек не должен домогаться вечной жизни, она ожидает его в раю. Мы соглашаемся с этим и храним лишь только наше бессмертие. Полагаю, ты понимаешь, что мы не смогли бы обратить всех, если бы даже захотели. Наша магическая сила должна расходоваться бережно. Ты расстроен, потому что тебе ее не предложили? Завидуешь? Станешь нашим врагом из-за того, что не можешь войти в наш клан?

– Князю Ричарду нечего опасаться меня, моя госпожа, – солгал Кордери и прибавил: – Я преданно любил вас. И продолжаю любить.

Она выпрямилась и протянула руку, как будто желая погладить его по щеке. Но он сидел слишком далеко.

– Я сказала Ричарду, когда он называл тебя изменником, что смогу проверить твою верность в своих палатах лучше, чем его чиновники – в своих. Не думаю, что ты способен обмануть меня, Эдмунд.

Кармила встала, подошла, взяв его лицо в свои ладони.

– К утру, – мягко сказала она, – я буду знать, прав ли князь в своих подозрениях.

– Да, конечно, – заверил он.

5

Эдмунд проснулся раньше нее, с чувством горечи во рту и пылающим лбом. Тело было сухим, будто вся жидкость испарилась. Голова болела, солнечные лучи, проникавшие через окно, резали глаза.

Он присел, стянул покрывало с обнаженной груди.

«Так быстро!» – подумал он. Усталость пришла неожиданно быстро. Его удивило, что душа наполнилась чувством покоя, а не страха или сожаления. С трудом собрав свои мысли, с долей злорадства сказал себе, что так поступать не стоило.

Взглянул на грудь, на порезы, которые она сделала своим крошечным серебряным ножом. Они были свежими и красными, в отличие от сетки давно заживших следов, свидетельствовавших о незабываемых страстях. Осторожно коснулся порезов, морщась от острой боли.

«Мне больно, – думал он, – но в этой боли – добродетель, которую не знают те, кто не может страдать. Нет страданий – нет и сострадания».

Он жалел спящую любовницу и гордился этим.

– Мы оба – страдальцы, – ласково прошептал он. – Страдальцы оба...

Она проснулась и увидела, что он рассматривает отметины.

– Ты скучал по ножу? – сонно спросила Кармила. – Тебе были нужны его поцелуи? Ты можешь наслаждаться его ласками, его любовью?

Теперь не надо было лгать, сознание этого давало приятное чувство свободы. Наконец он мог быть с ней, не скрывая свои мысли, не стыдясь их.

– Да, моя госпожа. Я скучал по ножу. Его прикосновение разожгло огонь в моей душе, а я думал, что там остались лишь погасшие угольки.

Она опять закрыла глаза и засмеялась:

– Иногда бывает приятно вернуться на забытые луга. Ты не представляешь, как прикосновение может пробудить воспоминания. Рада, что опять увидела тебя прежним. Я ведь привыкла видеть в тебе неприметного механика. Но сейчас... отблеск молодости в моей памяти.

Он тоже засмеялся, но закашлялся, и это встревожило ее. Она открыла глаза, приподняла голову:

– Что с тобой, Эдмунд? Ты весь в жару!

Кармила прикоснулась к его щеке, но отдернула руку, настолько неожиданно странным было прикосновение. Тень смущения скользнула по ее отливавшему шелковым блеском лицу, на мгновение лишив его магического шарма.

Он взял ее руку и задержал в своей, глядя в глаза.

– Эдмунд, – мягко спросила она, – что ты сделал?

– Не знаю, что из этого получится, – сказал он, – не думаю, что доживу до того времени, когда смогу узнать, удалось ли мне убить вас, моя госпожа.

Он был рад видеть, что от изумления она приоткрыла рот. Недоверие и тревога сменялись на ее лице.

– Это бессмыслица, – прошептала она.

– Возможно, – согласился он. – Возможно, и вчера вечером мы несли бессмыслицу об измене. Вы прекрасно знаете, что легли в постель с обреченным человеком. Зачем, моя госпожа, вы попросили меня сделать микроскоп? Познакомить с таким секретом – значит подписать смертный приговор.

– О Эдмунд, – вздохнула она, – ты не можешь думать, что это я так решила. Я пыталась защитить тебя от подозрений лорда-лейтенанта. Из-за того, что когда-то защищала тебя, это поручение и передали через меня. Что же ты натворил, мой бедный изменник?

Он хотел ответить, но опять закашлялся. Она выпрямилась, выдернув руку из ослабевших пальцев, и увидела, как он опускается на подушку.

– Боже! – выкрикнула она как истинный верующий. – Это болезнь, африканская болезнь! Кордери хотел ответить, поздравить ее с догадкой, но смог лишь кивнуть.

– Но на «Фримартине» не было болезни, – сказала она. – Судно могли бы задержать у берегов Эссекса, но среди экипажа не нашли никаких следов эпидемии.

– Болезнь убивает людей быстро, – прошептал Эдмунд. – Но в крови животных может находиться задолго до смерти.

– Откуда ты знаешь?

Эдмунд усмехнулся.

– Моя госпожа, – сказал он, – я член Братства, которое интересуется всем, что может убить вампира. Мы вовремя узнали это и устроили доставку разных животных. Когда заказали животных, не думали поступать так, как я это сделал, но недавние события... – Он опять остановился, задыхаясь даже от своего слабого шепота.

Кармила приложила ладонь к горлу, делая глоток, как будто пытаюсь уловить признаки заражения.

– Ты хочешь уничтожить меня, Эдмунд? – спросила она, как бы не веря.

– И уничтожу. Пусть все пойдет прахом, только бы положить конец вашему правлению... Мы не позволим растоптать науку, чтобы сохранить жестокую империю. Эти порядки нужно свалить хаосом, а он уже среди вас, моя госпожа, и его не преодолеть. От всего сердца проклинаю ваш род... хотя я и любил вас, госпожа.

Она хотела подняться с кровати, но он удержал ее, Кармила подчинилась слабому прикосновению. Покрывало соскользнуло, открыв грудь. Кожа отсвечивала блеском мраморной статуи, подобной той, что создавали гиганты среди смертных – греки – с таким совершенством.

– Твой сын умрет за это, Кордери, – сказала она, – его мать тоже.

– Они уехали, – прошептал он. – Ноэл прямо от стола ушел под защиту общества, которому я служу. Ричард никогда не найдет их, его власть невелика. Простые смертные легко прячутся среди себе подобных.

Кармила пристально смотрела на него, теперь он заметил ненависть и страх в ее глазах.

– Вчера ты пришел, чтобы принести мне яд в крови, – проговорила она, – надеюсь, что новая болезнь убьет меня, ты обрек себя на смерть. Что ты наделал?

Эдмунд хотел прикоснуться к ее руке и с удовольствием увидел, как она вздрогнула и отшатнулась.

– Только вампиры живут вечно, – сказал он хрипло. – Но пить кровь может всякий, кому это нравится. Я вдоволь напился крови двух больных крыс и теперь молю Бога, чтобы эта лихорадка бушевала в моей крови и семени. Вы получили полной мерой, моя госпожа, и сейчас вы в руках Божьих, как простая смертная. Не знаю, заразитесь ли вы, умрете ли, но не стыжусь молиться за это. Возможно, вам тоже следует помолиться, моя госпожа, и мы увидим, чью молитву предпочтет Господь.

Ее застывшее лицо напоминало лик статуи недоброй богини.

– Я доверяла тебе, – прошептала она, – могла бы сделать так, что и Ричард поверил бы. Ты мог бы стать вампиром. Мы бы жили столетия: любовники навечно. Но ты погубил себя.

Они оба знали, что это неправда. Вампиры не любят вампиров – просто не могут. Время убило бы такую любовь. Только кровь смертных может их питать, и эта пища им нужна. Эдмунд не знал, почему это было истиной, но не сомневался в ней. Он был любовником Кармиллы Бурдийон, потом расстался с ней, стал старше настолько, что теперь она видела в сыне его самого. Ее обещания были пустыми, и она должна была понять по тому, как он смотрел на нее, что слова ему безразличны. Ни малейшего сожаления не шевельнулось в нем.

Кармила подобрала рядом с постелью маленький серебряный нож, которым расчертила ему грудь до крови, и держала его сейчас, как будто это был кинжал, а не тонкий инструмент, достойный любви и заботы.

– Я считала, что ты все еще любишь меня.

«И это могло быть правдой», – подумал он, закинув голову назад и подставляя горло лезвию. Ему хотелось, чтобы она ударила – зло, жестоко, грубо. Он сказал все.

Эдмунд не знал, почему подверг себя такому испытанию – то ли из-за обычной верности своему делу, то ли из-за ненависти к этой совершенной женщине, которая больше не любила его.

Сейчас это не имело значения.

Она полоснула его по горлу, и он несколько долгих секунд наблюдал, как вампирша смотрела на кровь, хлынувшую из раны.

«Я был прав, – подумал он. – Никакой жалости».

Но потом, увидев, как она поднесла окровавленные пальцы к губам, зная о страшной болезни, понял, что Кармила по-своему все еще любила его.

Часть 2

ТЕНЬ ВЕЧНОСТИ

«53. Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни.

54. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день.

55. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье.

56. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем».

Евангелие от Иоанна.

ПРОЛОГ

Расшифрованный текст письма, полученного сэром Кенелмом Дигби в Гэйхерсте летом 1625 года.

Аббатство Кардиган, июнь 1625 г.

Мой друг!

Я еще не совсем привык к шифру, который ты мне доверил, но не позволю себе из-за этого ограничиться кратким посланием. Если это – язык Невидимой коллегии, тогда мне не терпится овладеть им, потому что моя миссия – служить этой коллегии как должно. На это надеялся мой отец, на это же надеюсь и я.

Кардиган очень отличается от тех мест, где я бывал.

Кажется, что он расположен совсем в других краях, нежели Лондон, и можно легко поверить, что находится где-то за пределами Галльской империи. Если послушать народный говор, когда люди снисходят до употребления того английского языка, который я понимаю, – можно подумать, что ты все еще в Середижсене, королевстве, где был найден Талисин. Конечно, больше нет ни друидов, ни бардов, но лозунг ордена Бардов повторяют так, будто он отражает веру всех: «И гвир ин эрбин и Быд», что значит: «Вера против Мира».

Думаю, что есть заклинания и похуже.

Монахи аббатства, принимающие меня, никакие не грегорианцы, и, по-видимому, им безразличны вампиры, но они настолько замкнуты в своей вере, что это отрицает авторитет Рима, следовательно, отвергает заповеди папы Борджиа. Считают, что до того, как в Британии появился Августин, чтобы обратить людей в свою веру, в Уэльсе существовали христианские церкви, а обращенные саксы принялись истреблять уэльских монахов во имя Рима. В таком месте, как это, тысячи лет недостаточно, чтобы стереть память о ссоре. Здесь не на бумаге увековечивают события, рассказы переходят из уст в уста, от отца к сыну (или от аббата к новопосвященному) и так остаются свежими.

Из того, что увидел, могу сказать, аббатство не очень процветает, хотя не знаю, зависит ли это от духа независимости монахов. Смело думать, что, если бы сюда прислали искореняющих ересь доминиканцев, те могли бы найти причину для неудовольствия, но я не могу представить себе, что эти любезные и набожные люди могут навлечь на себя хотя бы чем-либо обоснованный гнев. Я считаю, что недостаток в новообращенных больше объясняется общим вероотступничеством, подтачивающим веру, с тех пор как вампиры вывернули ее наизнанку и показали христианам, что голая сила управляет учением. Как бы то ни

было, здесь только двадцать монахов, которые поручают за всем смотреть единственному человеку. Один из братьев раздает милостыню, ему помогают три парня. В аббатстве нет рабочих, даже в пивоварне. Монахи возделывают совсем немного земли, а остальные участки сдают в аренду. Немного посетителей обращается к их милосердию, хотя они и помогают многим беднякам города, исключая именов и солдат, живущих в замке.

Я плачу за свое проживание здесь тем, что выполняю в монастыре определенные обязанности. Вначале хотел применить свои знания в механике, то, чему выучился у отца, но монахи сами кое-что умеют, им не нужны те насосы, станки, которыми так гордился и которым так радовался мой отец. Единственное, что я мог, – это показать монахам, как сделать нечто похожее на часовой механизм с гирей, который способен вращать вертел над жаровней, освобождая от этой достаточно утомительной работы людей.

В результате этого меня приставили к кухне помогать брату Мартину и брату Иннокентию в приготовлении пищи, уборке обители. Когда братья уходят на вечерню, я один остаюсь на кухне, и к их возвращению почти все готово, хлеб выпечен, в печи остается только сладкий крем. Много времени уходит, чтобы натаскать воды из колодца да присмотреть за кипящими кастрюлями.

Учением занимаюсь в библиотеке, простой, но уютной комнате. Запрещенные книги здесь держат в помещении за замаскированной дверью. Латынь, греческий, книги, написанные до прихода вампиров в Европу, меня утомляют. Хочу знать своего врага, чтобы уметь бороться с ним, но К. настаивает на том, что я должен стать грамотным человеком, прежде чем вступить в борьбу.

К. – странная особа, не понимаю, почему отец отдал меня ему на попечение. Я знаю, мой отец был неверующим, поэтому странно, что он назначил моим попечителем монаха, пусть даже такого, который более чем скептически относится к определенным положениям религии. Не то чтобы я сомневался в его мудрости, напротив, готов считать мудрейшим во всей Галлии, но не совсем понятно положение К. в Невидимой коллегии. Он такой отстраненный, спокойный и совсем не фанатичен в своей оппозиции правлению вампиров.

К. не более грегорианец, чем здешние монахи, хотя и не приверженец Рима. Он гость здесь, как я сам, с нашими хозяевами у него нет особой близости. Он – чужой, которого уважают за ум, но держат на расстоянии. Похоже, что это его ничуть не волнует. Не крупный, – я едва взрослый и перевешиваю его минимум на два фунта, – но думаю, что он очень сильный характером, сложением.

Теперь понимаю, почему отец был так скрытен: хотел защитить меня, не раскрывая до самого конца тайны, не подставляя под угрозу предательства. В результате этой заботы я вырос, почти не зная его, не могу понять, о чем он думал, составляя правила, которым вы так верно следуете. Мне лучше было бы находиться в Гэйхерсте, чем здесь, хотя знаю, что в этом случае подверг бы опасности и ваш дом, и свой. Разлука с матерью делает все еще сложнее. Конечно, теперь я мужчина, больше не ребенок, но оказаться вдали от всего, что знал, – это предательство. Может быть, это нехорошо, что я изливаю свои жалобы перед вами, потерявшим собственного отца в значительно более раннем возрасте; но иногда мне хочется только одного – чтобы мой отец пережил то же, что и вы. Есть слишком много такого в его жизни, что сложно понять.

Мне хочется действовать. Начинаю думать, что быть ученым – не моя стезя, хотя знаю, что вы легко соединяете в себе умение ученого и навыки бойца. Не уверен, смогу ли я быть таким же разносторонним. Если бы пришлось выбирать, думаю, мог бы стать меченосцем, чтобы драться с вампирами в открытом бою, но не лазутчиком, стремящимся к победе через обман. Не этого хотел отец. Но разве он знал меня лучше, чем я его? Должен ли я верить, что он знал, какой жизненный путь мне избрать?

Я не хочу быть человеком, объявленным вне закона, преследуемым. Хочу идти собственным путем, а не обращаться к другим за помощью и кровом. Иногда смотрю на море, на рыбацкие лодки, на то, как добывают свинец в близлежащих рудниках, и думаю о путешествии в какую-нибудь далекую страну, где никто обо мне даже не слышал. Но вы, без сомнения, подумаете обо мне, что я глупец и что еще не скоро превращусь из ребенка в мужчину.

Даже К. иногда смотрит на суда со странным блеском в глазах и говорит, что страх вампиров перед морем это еще один гвоздь в гроб их погибающей империи. Он утверждает, что большие парусники, бороздящие северные моря, намечают контуры новой империи, которой не могут владеть тяготеющие к суше вампиры. Иногда он глядит на Запад, будто через весь мир, на эту затерянную Атлантиду, которая находится, как думают некоторые, у дальних берегов, между Ирландией и далеким Китаем. А монахи думают, что он сумасшедший, если размышляет о еще не открытых континентах, некоторые, как мне кажется, до сих пор не смирились с мыслью о том, что Земля – круглая. Когда они глядят на запад, их занимают мысли о затерянных городах, крепостях, которые, как гласит предание, затопило море во времена Элфина. Существует много сказок о морских феях, более прекрасных, чем женщины-вампиры, населяющих те края, иногда увлекающих моряков к прыжкам с безопасных палуб в безжалостные объятия моря. Я никогда не слышал призывов сирен и надеюсь, что никогда и не услышу.

Но я не должен волновать вас своими заботами, которые только утомят вас. Надеюсь, что в будущем напишу письма с более существенным содержанием и более радостные. Пока прошу вас побеспокоиться о моей матери, дать ей знать, что я жив и здоров в моем изгнании. Я не слишком часто молюсь, так как не могу заставить себя поверить, что молитвы людей слышны на небесах, но уж если молюсь, молюсь за вас, за мою мать, за освобождение Англии. Если есть Господь, я уверен, что мои сомнения в его существовании не отвратят справедливого внимания к моим просьбам.

Всего доброго. Н.

1

В подземной келье библиотеки бенедиктинского монастыря в Кардигане Ноэл Кордери оторвал взгляд от книги, которую читал, и потер уставшие глаза. Было только четыре часа дня, весеннее солнце стояло высоко в небе, но приходилось читать при свете свечи – келья не имела окон. Официально этого помещения не существовало, там держали запрещенные книги.

Вначале келья казалась Ноэлу прекрасным убежищем, он с удовольствием уходил туда, где камень надежно хранил потайную дверь. Здесь все излучало магию белую, под цвет побеленных стен, но тем не менее магию. В окружении таких чудесных тайн, начертанных на пергаменте монахами, в душу вселяется азарт.

Теперь Ноэл увидел келью по-другому – менее магической, хотя и не менее странной. Библиотека наверху стала для него кладовой мира православной церкви, веры, освященной официальной мудростью. В этом мире были вампиры и обычные люди, на равных созданные Богом, на равных верящие в Бога, будучи каждый по-своему избранным народом. Это был мир не вполне счастливый, несомненно, но в своих основах находящийся в равновесии с собой, смирившийся с царящим в нем устройством. Здесь же, напротив, был подпольный мир, темный, мрачный, в котором грегорианцы, гностики, волшебники, алхимики могли выразить свои сомнения и знания. В мире, отраженном на скрытых здесь страницах, вампиры являлись дьявольским отродьем, а обыкновенные люди – беззащитными жертвами их ярости – два народа в вечном раздоре, обреченные на это до Судного дня. Здесь не было войны, но всегда был настоящий крошечный ад, где полные боли крики взывали к справедливости и не получали ответа.

Ноэл больше не хотел читать в келье. Он не слишком опасался брать книги в комнату наверху, хорошо освещенную, или даже в свое жилище за пределами аббатства, игнорируя запреты. О существовании тайной кельи знал каждый монах, хотя никто из них никогда бы не признался в этом. Кроме представителя двора, ведавшего хозяйственными делами, в монастыре редко бывали посетители. Иногда сюда заезжали люди из секретной полиции Коллегии кардиналов, управляемой вампирами. Кардиган был одним из самых безопасных мест в стране – одна из причин, по которой Ноэл выбрал его, – а установленные здесь правила защищали обитателей. Надо сказать, что хозяевам-бенедиктинцам сама мысль об использовании монастыря как укрытия, о нарушении или уклонении от порядка казалась недопустимой. Послушание было основой их существования, все правила для них имели силу закона: *Regula benedicti*.

Глядя на дрожащее на сквозняке пламя свечи, Ноэл спрашивал себя опять, что побудило отца прислать его сюда и поручить теологу Квинтусу. Он не мог найти ответ – план отца, прерванный смертью, остался без объяснения.

Он опять посмотрел на книгу, которую читал. Книга «Открытие вампиров», написанная в 1591 году жителем Кента Реджинальдом Скотом, продолжала работу, описывавшую безумие охоты на ведьм. Это была первая обстоятельная книга о вампирах, написанная по-английски, скептически изображавшая народные поверья о сверхъестественной силе вампиров. В ней также содержался обширный очерк о происхождении вампиров. Было ясно, что у Скота, книжника и эксперта по выращиванию хмеля, был доступ к другим запрещенным книгам, включая ранние издания принадлежащей перу многих авторов энциклопедии «Вампиры Европы» и английскую версию коварных советов Макиавелли тиранам – «Князь вампиров».

– Почему, – сожалел Ноэл, – меня не могли доверить Скоту? Даже если он человек слова, а не дела, его слово было дерзким.

Бледные лучи солнца устремились в келью, означая, что каменная дверь открылась. Ноэл виновато склонил голову над книгой, показывая своим видом Квинтусу заинтересованность доказательствами Скота, утверждающего, что вампиры пришли из Африки, а не из Индии, как утверждал Корнелий Агриппа.

Квинтус принес кружку холодного эля, который был бы очень кстати к кабачкам и овощному супу в жаре сада, у кухни. В прохладе кельи Ноэл охотнее выпил бы горячего чая.

– Представитель двора уехал, – сказал монах. – Он привез новости из города. Галион «Файрдрейк» еле дошел до гавани Милфорд два дня назад. К югу от Ирландии его здорово потрепал шторм. Он охотился за пиратом Лангуассом, капитан говорит, что каравелла пирата, без мачт, вся продырявленная, затонула у мыса Клиэр.

– Лангуасс! – воскликнул Ноэл, прибавив скорбно: – Если это правда, во дворце Суонси будет торжество, и, когда новость достигнет Лондона, князь Ричард объявит праздничный день.

Лангуасс был героем – или злодеем! – многих местных баллад. По романтической версии его биографии, когда-то он был французским аристократом, любимцем в Версальском дворце, претендентом на вхождение в высшие круги, но враги, сговорившись, обвинили его в измене и низвергли. Отбывая срок на галерах, он ударил надсмотрщика в ответ на жестокое обращение. Его до полусмерти избили бичами, и он проклял Галльскую империю. Возглавив мятеж, захватил галеру, пиратствовал в Средиземном море против торговых судов. Французы и испанцы охотились за ним, но после жестокого сражения он захватил один из лучших кораблей и стал господствовать на морях.

В Лондоне Ноэл слышал другое. В Тауэре все знали, что настоящее имя пирата Вилье. Как и Ноэл, Вилье вырос в Тауэре, но после заточения отца мать взяла его с собой в ссылку. Он был в Версале, где просил короля Шарля заступиться за отца, но Шарль в этом споре встал на сторону Ричарда. Когда Ричард посетил двор Шарля, император безуспешно пытался примирить обоих. Оскорбленный Вилье хотел вызвать князя Великой Нормандии на дуэль, хотя закон запретил князьям принимать подобные вызовы. Спустя некоторое время, в Париже, Вилье обвинили в убийстве. Несмотря на то, что его окружала не лучшая компания, вполне вероятно, что осудили его несправедливо, скорее всего, не без помощи агентов Ричарда и женщины-вампира. Так или иначе, юноша попал на галеры. Став мятежником, повел захваченную галеру к Мальте, где у него были родственники – важные персоны в ордене Святого Джона – рыцарей-госпитальеров. Хотя мальтийские рыцари были лояльны к Галльской империи и прослыли героями, защищая Европу от турецкого флота во время блокады, в них всегда чувствовалась определенная независимость, в случае нужды они не чурались пиратства.

Плавая с мальтийскими пиратами, человек, которого сейчас знали под именем Лангуасс, изучил науку судовождения, стал пользоваться определенной репутацией. Его пиратство нередко заключалось в ограблении безоружных купеческих судов – небольшие галеры, ходившие между средиземноморскими портами, не могли составлять конкуренцию быстрым парусным судам. Несмотря на это, Лангуасс с энтузиазмом ходил в бурные северные моря, нападая на английские суда в пику князю Ричарду. Ноэл догадывался, точный подсчет покажет большее количество нападений на сейнеры, чем на караки, что не было очень доходным делом, но большие и медленные суда князя не могли покончить с Лангуассом. Их беспомощность создавали вокруг него легенду.

Зная все это, Ноэл тем не менее считал Лангуасса героем. Он ведь был мятежником, выступал против аристократии вампиров в Галльской империи. Был свободным человеком, который не склонил головы перед алчущими крови хозяевами. Империя вампиров была обширной, но на воде они были такими же уязвимыми, как простые смертные. На океанских просторах люди могут сражаться с вампирами почти на равных, потому что вампиры и тонут, и горят, а адмирал-вампир, идущий на дно вместе с кораблем, обречен на гибель.

Поэтому Ноэла обеспокоили новости, принесенные Квинтусом. Смерть Лангуасса была бы трагедией для Ноэла.

– Может быть, он спасся. В Ирландии у пиратов больше друзей, чем врагов.

– Да, – согласился Квинтус. – Но в проливе СентДжордж дул жестокий ветер, мы сами его чувствовали. Потеряв мачты, он не смог бы выйти к Балтимору или Кинсейлу. У капитана «Файрдрейка» были все основания считать, что каравелла затонула, даже если сам он этого не видел. Потом, если Лангуасс ушел от него, капитану не простят так легко, но королевский представитель говорит, что пират снял с «Уондерера» женщину-вампира, и, когда поднялся ветер, мог спрятаться в тихой бухте.

– Прекрасная история для разнообразных слухов, если бы ее осмелились опубликовать, – сказал Ноэл. – Женщина-вампир в плену у симпатичного пирата, увезенная в берлогу на Канарские острова, подчиняется его капризам.

Конечно, открыто такое сообщение не опубликует никто. Церковные и светские власти держат все печатные станки в Лондоне под строжайшим контролем, Звездная палата не допустит очернения аристократии. Если о вампирах упоминают, то только в лучших выражениях, даже в уличных пьесах и песнях, хотя их скабрзные версии более популярны в народе. Но вампиры не могут углядеть за всем, слухи наверняка поползут по Лондону.

Ноэл знал, что непристойные рассказы о вампирах и их любовниках-людях широко известны: еще до приезда в Уэльс он обнаружил, что историю о Эдмунде Кордери и Кармилле рассказывают в тавернах, на рынках Большой Нормандии. Особенно всем нравилось ее славное завершение – добровольная смерть Кордери, навлеченная на себя с целью погубить любовницу.

Эта история была не по душе Ноэлу. Он знал, что в первую очередь Кармилла интересовала отца не как любовница, хотя многие доказывали, что он любил ее душой и телом и задумал убить уже тогда, когда та его отвергла. Даже у матери Ноэла было такое подозрение, хотя она и старалась не выдавать своих мыслей.

– Скажи-ка мне, – обратился к Ноэлу Квинтус, возвращая того на бrenную землю, – что ты сегодня узнал у Скота?

Ноэл посмотрел на худое лицо высокого монаха. Худоба не ужесточала его. Квинтус соблюдал наказания святого Бенедикта – вел жизнь аскета, но его сердце не заскорузло. Он часто улыбался, был очень мягким и терпеливым, но вместе с тем и строгим. В последнее время причины для проявления строгости стали появляться чаще, по мере того как Ноэл все больше показывал недовольствие учебой.

– Его знания невелики, – ответил Ноэл с металлической ноткой в голосе, – правда, другие знают еще меньше.

Квинтус вздохнул.

– Это важно – понимать, где начинается невежество, – сказал он. – Мудрости больше всего препятствует не трудность в приобретении новых знаний, а то, что мы уверены в подлинности уже полученных. Фрэнсис Бэкон, который был другом твоего отца, говорит нам, что из церкви познания мы должны удалить многих идолов, если хотим расчистить путь к истине.

Ноэл не раз, будучи ребенком, сидел на руках у Фрэнсиса Бэкона, и это избавляло его от пиетета в отношении взглядов философа.

– Венец учебы не в том, чтобы узнать, где вампиры впервые ступили на землю, – возразил Ноэл. – Главное – узнать, как их можно уничтожить. Если мы хотим приготовить мир к возвращению Христа, то его необходимо очистить от приспешников Сатаны.

Квинтус нахмурился. Он знал, что Ноэл не был грегорианцем, не был даже верующим и упомянул Христа, только чтобы придать вес своим словам. Ноэл сознавал, что причиняет боль своему наставнику, не упоминая о его вере, но Квинтус не ждал извинений, не нуждался в них.

– Сын мой, – сказал он. – Ты не можешь сражаться со злом, пока не поймешь его. Мы слишком долго пренебрегали этой истиной. Невежество не меньше подрывает силу оружия, чем силу молитвы. Сатана орудует с Божьего соизволения с тем, чтобы мы могли понять, что такое зло – иначе как же мы отвергнем порок и воспримем добро?

– Отец говорил то же самое, – признал Ноэл. – Вампиры правят нами прежде всего потому, что ужасают нас. Нам не научиться ненавидеть их, пока мы не узнаем точно, что они из себя представляют. Хорошо, что Скот своими доказательствами низводит вампиров с тех высот, до каких подняло их наше испуганное воображение. Представлять вампиров исчадием Сатаны не лучше, чем возводить в разряд любимых сыновей Господних.

Они – не обычные люди, но все же люди, и только люди, мы должны научиться ненавидеть их как людей и победить.

Квинтуса не совсем обрадовал этот ответ, Ноэл знал это. Иногда ему казалось, что учитель предпочел бы совсем не ссориться с вампирами, помня заповедь Христа о необходимости любить даже врагов. Но даже Квинтус терялся при мысли, что пороки правления вампиров можно устранить без ненависти.

– Окончательное решение, – сказал Квинтус, – нужно оставить Божьей воле.

– Возможно, – ответил Ноэл, – но что касается меня, то я полагаю, те, кто не ощущает боль, не заслуживают сожаления.

2

Спальня Ноэла находилась рядом с помещением, куда несли жертвоприношения. Сюда вел отдельный вход, поэтому редкие гости монастыря не могли заметить его. Молодой человек не скрывался от бедняков, приходивших за бесплатной пищей, или от жертвователей, потому что те не задумывались о его происхождении, но избегал всех, кто мог проявить к нему интерес. Поэтому всегда был настороже, даже отдыхая, вслушивался в топот копыт на дороге и шум за стенами монастыря. Любой звук в ночи прерывал его чуткий сон.

Как-то, на второй день после шторма, Ноэл заснул крепче обычного и, когда проснулся, не сразу понял, что его разбудило. Был ли это крик? Или кто-то из монастырских слуг говорил слишком громко? Может, просто что-то почудилось во сне?

Пока сон уходил, шум утих. Почти уверившись в том, что это ему приснилось, Ноэл вдруг услышал топот, кто-то бежал через ворота.

Он приподнялся в постели, напрягая слух, и услышал шаги, приближающиеся со стороны монастыря. Это значило, что монахи узнали о присутствии чужих. Аббатство было встревожено.

Ноэл встал с койки, оделся. Первой мыслью было то, что люди Ричарда раскрыли его убежище и пришли за ним. Шум можно объяснить сотней причин, но что-то настораживало. Редкие гости искали приют в этом отдаленном монастыре, тем более такой глухой ночью.

Ноэл хотел пройти по коридору к окну, оттуда выглянуть во двор и узнать, что происходит.

Когда до окна оставалось совсем немного, послышались крадущиеся шаги на внешней лестнице – кто-то поднимался наверх. Ноэл решил пройти к другой лестнице, но шорохом выдал себя. Его схватили и потащили по переходу.

Свечи освещали лестницу, но рассмотреть схватившего было сложно: душил ворот рубашки. Попытки освободиться были тщетными. Все же юноша увидел мрачное бородатое лицо в шрамах, которое вполне могло принадлежать демону с голландских картин, изображавших ад. Самым жутким было отсутствие носа, вместо которого был виден нарост, похожий на огромную бородавку.

Это высокое и сильное чудовище стащило Ноэла по лестнице во двор.

На площадке уже собралась толпа. Одни спешили мимо пивоварни к монастырю, другие стерегли распахнутые ворота. Эти миряне не имели никакого права находиться здесь, и Ноэл не мог понять, что все это значит. Сквозь арку его втокнули во внутренний двор. Он был не единственным, с кем обошлись столь бесцеремонно. Трех монастырских слуг вывели во двор так же грубо.

Ноэла поставили к монастырской стене рядом со слугами и монахом, вышедшим на шум, а тащивший его присоединился к своим.

Перед пленниками стояли бродяги, выглядевшие в полумраке такими же отвратительными и грязными, как те, которых Ноэл видел в самых нищих уголках Лондона. Все были вооружены мечами и кинжалами. Ноэл насчитал семерых, но по всему было видно, что подойдут и другие, во главе с вожаком. Юноша ощутил острие ножа, приставленного к груди приземистым морщинистым человеком, чьи глаза блестели в полумраке. Великан, притащив его, отступил в тень.

Из келий спустили фонари. Сердце Ноэла забило спокойнее, когда он разглядел лица аббата и Квинтуса. Но ненадолго – физиономии напавших источали агрессивность. Так, лицо морщинистого человека со щербатой жуткой ухмылкой искажала гримаса уверенной жестокости. Казалось, он ждал повода, чтобы нанести удар.

Вожака банды Ноэл увидел, лишь когда аббат потребовал объяснить происходящее. Это был высокий сильный брюнет, его черная, хорошего качества одежда также была покрыта грязью, однако он обладал манерами джентльмена и был похож на вампира. Он один из всей банды не обнажил меча. Его подручные также производили странное впечатление. Монстр, тащивший Ноэла по лестнице, ростом был выше своего хозяина, рваный шрам, после отсутствия носа, был его второй отличительной чертой, темный цвет кожи говорил о том, что он не был уроженцем Галлии.

Слева от предводителя стояла девушка в мужской одежде. Ее смуглая кожа была слишком гладкой для простой женщины, ярко накрашенные губы смотрелись нелепо. В правой руке она держала пистолет, в левой кинжал, как бы выставляя их напоказ. Всем было не до шуток, зато ее глаза сияли от восторга, как будто происходившее было игрой, в которую ей страстно хотелось сыграть. Пока все смотрели на приближающихся монахов, она откровенно разглядывала Ноэла, что ему совсем не понравилось. За девушкой тенью следовала служанка, которой было не больше двенадцати лет.

Наконец заговорил главарь:

– Нам срочно нужно убежище, господин аббат. Мы проделали долгий путь, а ходить пешком мы не привыкли. Мы голодны. Нам хотелось бы, чтобы вы проявили доброту и пустили нас на постой.

– Кто вы? – с опаской спросил аббат. Ему пришлось, из-за своего маленького роста, смотреть на пришельца снизу вверх. Ноэл подумал, что у аббата недостаточно врожденного авторитета, чтобы разговаривать с наглецами на равных.

– Меня зовут Лангуасс, – последовал насмешливый поклон. Ему явно понравилась шумная реакция на это сообщение.

– Пират! – воскликнул один из монахов.

– Бедный грешник, – с притворной кротостью сказал Лангуасс, – которого несправедливость принудила добывать пропитание воровством, но все же он стремится к защите и милосердию матушки-церкви и привел сюда людей, готовых обратиться к вере. Это, – он указал на бедного великана, – Селим, турок, который был рабом на галерах вместе со мной много лет назад; а это, – он кивнул на амазонку, – Лейла, цыганская принцесса из Марокко, чья душа нуждается в спасении, несмотря на ее мягкий нрав и благородное сердце. – Его иронический тон больше подходил бы для бесед с благородными дамами.

Увидев, насколько напуганы монахи и в какой нерешительности находится аббат, Квинтус выступил вперед.

– Вашим людям не стоит обнажать клинки, – сказал он. – Если вы голодны, мы накормим вас, наш христианский долг – облегчать участь тех, кто в этом нуждается. Несомненно, цель вашего путешествия далеко отсюда, и мы поможем вам восстановить силы.

Лангуасс рассмеялся. Не ответив, он послал своих людей в монастырскую спальню и церковь, чтобы разбудить и доставить во двор всех остальных. Затем он сказал Квинтусу:

– Мы не хотим, чтобы о нашем приходе узнали в городе. Несомненно, там сейчас спят и рассердятся, если мы им помешаем. Может быть, мы воспользуемся вашим гостеприимством в течение нескольких дней, но, несмотря на то, что это место рекомендовалось как надежное, хотелось бы иметь гарантии нашей безопасности.

Пират повернулся и посмотрел на ворота – сразу же послышался звук закрывающихся деревянных запоров.

Затем оглядел стоявших вдоль стены, его взгляд остановился на Ноэле, чья одежда отличалась от платья монахов и слуг.

– А это кто? – отрывисто спросил Лангуасс.

– Ученый, мирянин, – быстро ответил Квинтус. – Гость, как и вы.

Тогда послышался другой голос, сказавший: «Кордери!»

Ноэл, удивленный тем, что его узнали, повернулся к двери пивоварни, где собирались остальные пираты.

Там же были и другие пленники со связанными за спиной руками. Лицо одного скрывал тяжелый колпак, другой стоял с непокрытой головой.

Заговорила женщина, светловолосая и такая же молодая, как «цыганская принцесса», Ноэл узнал ее сразу, ему было больно видеть ее такой. Это была Мэри Уайт, дочь слуги князя Ричарда, тоже выросшая при лондонском дворе.

Лангуасс подошел к нему и, обнажив меч, приставил острие к горлу Ноэла.

– Откуда она знает тебя? – спросил пират с тревогой.

Но прежде чем Ноэл ответил, лицо пирата изменилось, будто имя, произнесенное девушкой, было ему знакомо.

– Кордери? – повторил Лангуасс. – Конечно, Кордери! Такой же гость здесь, как и я. – Пират убрал меч в ножны.

– Я объявлен вне закона, – сказал Ноэл, изо всех сил стараясь придать голосу уверенность, – как и вы. Но цена за мою голову всего тридцать гиней, а за вашу, думаю, дают раз в семь больше.

Лангуасс засмеялся.

– Так мало? – сказал он. – Ричард не очень щедр. Он знает, что обижает меня, если заявляет, что моя жизнь его не слишком интересует. Сейчас-то он должен запомнить меня лучше, после того, как я кое-что одолжил на борту тонущего «Уондерера». Потеря госпожи этой девушки напугает князя о долге чести, и он еще больше меня невзлюбит. – Пират сделал три шага и театральным жестом снял колпак с лица второго пленника.

Женщина не пыталась уклониться от грубых рук, оставаясь спокойной. Даже при слабом свете красота ее не вызывала сомнений. Черные волосы были шелковистыми, черты лица – мягкими, кожа – безупречно гладкой. Свежесть выделяла ее в этом мире, где почти все обычные женщины густо красились, чтобы скрыть оспины и бледность лица. Ее глаза были полу-прикрыты. Казалось, она готова рухнуть, только сильная воля держит ее на ногах.

– Разрешите представить вампиршу Кристель д'Юрфе, – сказал Лангуасс. – Недавно придворная дама князя Ричарда, которая, к сожалению, прервала свое путешествие в Лиссабон из-за плохой погоды и непредвиденных обстоятельств. Она не совсем здорова.

Смысл последней фразы был более глубоким, чем казалось. Вампиры редко заболели обычными болезнями или уставали. Ноэл догадался, что ей дали наркотик, может быть, даже яд, чтобы ввести в транс, в который впадали вампиры. Скорее всего, это сделали, чтобы она смогла перенести тяжелое и опасное путешествие.

Ноэл оглянулся, чтобы увидеть реакцию аббата. Лицо монаха было совершенно белым.

– Как вы смеете?.. – начал он.

Лангуасс прервал его.

– ...привести дьявола в монастырь? – хмыкнул он. – Но здесь нет грегорианцев. Даже если бы были, разве можно найти лучшее место для дьявольского отродья, чем Божий дом, где порок можно компенсировать вашим смирением. Что она может натворить в этом святом месте?

Ноэл понимал, что эта небольшая речь предназначалась не столько монахам, собравшимся в монастыре, сколько собственным друзьям пирата, многие из них казались простыми людьми, для которых вампиры были тайной, наделенной сверхъестественной, злой силой. Видимо, они нуждались в заверениях, что вожак не ведет к гибели, а это могло случиться, потому что вампиры всегда жестоко наказывали тех, кто вредил им. Лангуасс был прав, говоря о том, что Ричард не пожалеет сил, чтобы настичь пирата, похитившего женщину его двора.

– Если вам нужна пища, – сказал Квинтус быстро, – тогда кто-нибудь должен пойти на склад, на кухню, а нам следует пройти в трапезную, там удобнее вести беседу, кроме того, надо отпустить тех, кто должен работать.

– Правильно, – сказал пират. – Но вы должны знать то, что я скажу. Вы знаете, кто мы, знаете также, что мы исполним угрозу.

Ноэл посмотрел на пиратов, подсчитывая мечи и пистолеты. У них не было мушкетов, только один или двое несли мешки. Он понял, что бандиты оснащены так легко не по желанию, а по необходимости: видимо, утратили большую часть своих пожитков во время бури. Многие оглядывались на него с подозрением или заинтересованные тем, что его имя было известно. Юноша представил, какие мысли могли родиться у тех, для кого имя Кордери что-то значило. Он был вне закона, но не такой, как они. Он был сыном любовника вампириши, убившего свою любовницу-аристократку и стремившегося навлечь эпидемию на лондонские улицы. Им не из-за чего было любить его.

Когда банда входила внутрь, низкорослый прижал острие ножа к шее Ноэла, как будто за ним нужно было приглядывать, как за вампиршей. Но подошла молодая цыганка, и Ноэл с удивлением увидел, что она смотрела на него ласково, восхищенно, словно предупреждая, что в ее присутствии ему не причинят вреда.

3

К рассвету монастырь приобрел свой обычный вид. Монахи на утренней молитве, вручая себя во власть Бога, невозмутимо пели. Пиратов не было видно, хотя они оставили часового у ворот и наблюдателя на церковной башне.

Кристель и ее служанку Мэри Уайт заперли в камерах, предназначенных для согрешивших. Иногда мирянам могли приказать искупить здесь какое-то прегрешение, но давно прошли времена, когда господа, навлекшие на себя гнев Господень, могли поручить кому-то в обмен на подходящие дары принять за себя наказание. Постепенное падение церковной власти заключалось и в том, что такие наказания теперь очень редко передавались другим, а если это случалось, то их всерьез не воспринимали. В последние пятьдесят лет камеры аббатства Кардиган редко видели обитателей, монахи были этим довольны, однако никто не возопил о святотатстве, когда Лангуасс решил возобновить использование тюрьмы.

Пират и аббат распорядились, чтобы все в монастыре было как обычно. Поэтому Ноэл пошел в библиотеку, ел в большой комнате, но даже не пытался работать. Он размышлял о том, знают ли пираты о существовании тайной комнаты, и решил, что не знают. Неожиданно документы, казавшиеся такими пресными, вновь приобрели ауру таинственности, ценности. Он решил защищать их, в случае необходимости, от попыток кражи.

Ноэла не очень удивило появление Лангуасса, усевшегося в кресло рядом.

– Я знал твоего отца, Кордери. Не встречался с ним, но слышал, что он был добрым и надежным человеком. – При дневном свете пират уже не казался таким красивым: освещение выдавало его стареющую кожу, засалившиеся волосы. Ему было около тридцати пяти лет, щеки исчерчены старыми порезами, но ясные карие глаза смотрели живо и пронизательно.

– Уверен, что он слышал о вас, – ответил Ноэл спокойно.

– У нас много общего, – продолжал пират. – Я провел детство в Тауэре, меня тоже отправили в ссылку. Понимаю, что ты должен чувствовать.

– Мы слышали, что ваше судно затонуло у мыса Клиэр, – сказал Ноэл, чтобы перевести разговор. – Вы знали, что «Файрдрейк» в гавани Милфорда?

– Мое судно уже прошло Гарнсор, затем пришлось оставить его, – ответил Лангуасс, – и ветер загнал парусник в залив Кардиган. Мы высадились на берег восточнее, шли по суше. Нам было бы лучше попасть в Бристольский пролив. Из Суонси легко выбраться на корабле, но там подняли бы тревогу. Мне лучше убраться отсюда, пока мои враги не узнали, что я жив, но здесь трудно найти лоцмана.

– Неудобно быть пиратом, – заметил Ноэл, – и не иметь судна.

Лангуасс беззлобно рассмеялся:

– Такое случилось не в первый и, думаю, не в последний раз.

– Когда узнают, что вы живы, и о вампирше, они будут охотиться за вами еще яростнее, чем раньше. Они не прощают таких преступлений, как похищение женщины-вампира.

– Прощение! – В голосе Лангуасса теперь слышался не смех, а рычание. – Прощения никто не просит. Ричард не прощен за то, что сделал мне, свой долг я ему не прощу, а страх перед местью вампиров меня не остановит.

– Но вы навлекли опасность на добрых монахов тем, что привезли сюда вампира. Их обвинят в том, что они дали убежище вам и вашей команде, никого не заинтересует то, что вы довольно скоро ушли. Присутствие женщины меняет дело – труднее скрыть, легче навлечь наказание.

– Я всегда слышал, – сказал Лангуасс, – что монахи Кардигана принадлежат к Истинной церкви. Твое присутствие здесь, если о нем узнают, может им навредить не меньше. Мы уйдем

отсюда спокойно, а если случится не так, аббат может сказать всем, что я заставил его помочь мне. Я не хочу навредить монахам.

Ноэл знал, что монахи Кардигана действительно причисляют себя к Истинной церкви, но какую Истинную церковь имел в виду Лангуасс. Насколько он знал, Лангуасс мог быть грегорианцем, полагая, что вампиры – это орудие Сатаны и таинство вампиров. Святая служба, принадлежит дьявольской империи. Но, встретившись взглядом с пиратом, подумал, что тот мог оказаться неверующим. В конце концов, для обыкновенных людей происхождение Лангуасса было знатным, он и сам мог превратиться в вампира.

В любом случае в словах Лангуасса была правда. Нахождение Ноэла здесь доказывало, что аббат не поддерживает нормандцев. Конечно, если бы его нашли, аббат мог бы сказать, что не знал его настоящего имени. Но тем не менее бремя присутствия Ноэла в монастыре мало чем отличалось от требования Лангуасса предоставить убежище. Присутствие же при похищении женщины-вампира, совершенное даже под угрозой, вообще было тяжким преступлением.

– И что мне делать, по-твоему? – спросил пират, когда Ноэл не ответил. – Отпустить ее или убить и сжечь?

– Не нужно было вообще приводить ее сюда.

– Но она здесь, – ответил Лангуасс. – Хотя я мог бы утащить ее с собой в ад, если бы посчитал нужным. Увезя ее в целости и сохранности, можно обменять ее на другое судно, но самое лучшее – это уничтожить ее. Еще не решил. Хочешь с ней повидаться?

– Зачем?

– Разве ты не ученый, разве приехал сюда не как член Невидимой коллегии Англии? Не твоя ли задача узнать все о вампирах, чтобы бороться с ними? Об этом Квинтусе я тоже слышал. Верно ведь, что твой отец стремился узнать тайну магии, что превращает обычных людей в вампиров?

– Да, – спокойно сказал Ноэл.

– В этих пыльных книгах есть что-нибудь, что приведет тебя к этой тайне?

– Если это было бы написано в книге, – ответил Ноэл, – то не было бы тайной. Ни один обычный человек не знает, как делают вампиров. Если бы кто-нибудь знал тайну, это, верно, был бы человек, похожий на вас, который уже однажды имел надежду получить эту награду. – Слова были искренними, но в них звучала насмешка. Ноэл, к своему удивлению, не боялся пирата, в котором сейчас совершенно отсутствовала злость.

– Вероятно, ты прав, – сказал Лангуасс. – Возможно, я узнал бы эту тайну, если бы использовал все возможности. Но, когда я ожидал превращения в вампира, никакой спешки не было, а едва стало ясно, что даже мой родственник, гроссмейстер госпитальеров, считался со мной так мало, что хотел использовать как простого разбойника, тайна ушла далеко. Тогда мне оставалось сделать только маленький шаг, чтобы стать врагом их рода. Как ты думаешь, может ли вампирша раскрыть нам эту тайну, если мы ее заставим?

– Как мы сделаем это? – спросил Ноэл. – Вампиры могут победить боль, не боятся пыток.

– Но им можно угрожать смертью, не так ли? Честный храбрец, такой как Ричард, конечно, никогда не уступит угрозам, но, хрупкое создание, эта женщина сделана из другого теста. Боль – еще не пытка, многого можно достичь страхом и ужасом.

Хотел ли пират проверить его реакцию? Лангуасс показал себя другом, но у него не было причин доверять Ноэлу. Почему пират должен был считать его своим союзником? Эдмунд Кордери большую часть своей жизни играл роль верного слуги вампиров. Того, что он умер, убив любовницу, было недостаточно, чтобы убедить всех, что он член тайного общества, чья цель – освобождение Британии от ига вампиров.

– Ты слышал, что обычный человек, выпив кровь вампира, сам может стать вампиром?

– Слышал. Мой отец сказал, что это ложь.

Лангуасс улыбнулся:

– Ты не хочешь попробовать? Не хочешь услышать, что Кристель д'Юрфе скажет нам, если ее принудить или попробовать, какими свойствами может обладать ее кровь?

Ноэл облизал пересохшие губы:

– Думаю, что нет.

– Ты хороший парень, – сказал пират. – Моя маленькая марокканка увлеклась тобой. Она милашка, ты должен согласиться. Хочешь стать пиратом и уйти со мной? Я сделаю тебя третьим помощником на моем следующем судне, а марокканка станет твоей, если понравишься ей больше, чем я.

Ноэл вспомнил свое стремление к активной жизни, но пиратство привлекало его сейчас меньше, чем когда бы то ни было.

– Давай, Кордери, – мягко проговорил пират, – такой здоровый парень не должен быть монахом.

Ноэл взглянул на лежавшую перед ним Библию, которую якобы читал, но открытая страница не давала ответа.

– Пока не знаю, – сказал он, – какой жизненный курс я выберу.

Пират грустно засмеялся.

– Предложение действительно до нашего ухода. Подумай хорошенько. А теперь я опять спрашиваю, хочешь ли ты увидеть мою пленницу и послушать, что она скажет?

Ноэл вспомнил лицо вампириши при свете фонарей и почувствовал нечто такое, что не осмелился бы назвать. Он встал и сказал:

– Если вы настаиваете.

Пират насмешливо поклонился, пропуская юношу вперед. Они вместе прошли по запутанным и пустым коридорам к камерам штрафников.

Турок Селим стоял на часах в прихожей, куда выходили двери камер, хотя все они были надежно закрыты на засовы. Когда Лангуасс вытащил засов, открыв дверь и пригласив Ноэла следовать за ним, безносый остался снаружи. Ноэл слышал звук задвинутого за ними засова и подумал о том, сможет ли выйти отсюда после ухода пирата.

Кристель сидела на широкой деревянной скамье, которую внесли в камеру вместо кровати. Мэри Уайт здесь не было, и Ноэл предположил, что ее поместили в другую камеру, чтобы вампириша не могла пить кровь.

Когда Лангуасс вошел, женщина прижалась к холодной стене. Несмотря на свое состояние, она не выглядела испуганной. Ее лицо, такое бледное, что, казалось, испускало свечение, было совершенно спокойным. Сейчас глаза вампириши не казались застывшими. Яд, которым ее травил, перестал действовать.

– Вижу, что ты отдохнула, – сказал Лангуасс. – Я привел Кордери. Ты должна его знать по двору.

Кристель посмотрела на Ноэла с любопытством.

– Я знала его отца, – ответила она. – Но не думаю, что когда-либо видела Ноэла. Эдмунд Кордери был красивым мужчиной, но не стоило так гибнуть из-за женщины. Это глупо.

Голос женщины был низким, мелодичным. Она была проще, менее настойчивой, чем Кармила, умершая от болезни, которой заразилась через кровь Эдмунда Кордери, но Ноэл подумал, что это смирение может быть следствием того, что ее дом так далеко. Надменность присуща тем, кто правит миром в безопасности своих замков, сейчас же женщина была в темнице.

– Он поможет мне допросить тебя, – сказал пират. – Он ученый и знает лучше меня, какие вопросы задавать.

– Я не могу отвечать на вопросы, – спокойно сказала вампириша, – и вы знаете, что не сможете принудить меня.

Лангуасс повернулся к Ноэлу:

– Она хочет показать, что не боится боли. Но мы же не поверим без испытания? Возможно, это просто ложь, распространяемая вампирами для своей защиты.

– Все вампиры могут контролировать боль, – ответил Ноэл, не желая играть. – Это одна из черт их природы. Долгая жизнь, невосприимчивость к болезням, исцеление ран, которые убивают человека. Под пыткой обычные люди говорят все; вампиры не раскрывают ничего.

– Такое мнение при тебе проверяли, Кордери? – спросил пират.

Ноэл покачал головой, в желудке образовалась пустота, когда Лангуасс снял кинжал с пояса.

– Где ты хочешь нанести ей рану? – спросил пират.

Ноэл не взял кинжал. Не потому, что боялся проклятий женщины, – если бы они действовали, все, кто желал зла вампирам, давно бы умерли, – но веры словам отца было достаточно, чтобы отвергнуть этот несерьезный шаг.

– Наверно, тебя убедило то, что сказали тебе книги? – с иронией произнес пират. – Я сам когда-то учился и потом узнал, что многие доказанные истины не настолько правильны, как хотели нас заставить поверить старинные учения. Я слышал, что, если человек попробует кровь вампира, так же, как они пьют нашу, может сам стать вампиром, но не могу сказать, верно это или нет, поскольку никогда не пробовал сделать это сам.

Ноэл молчал, думая о том, что лучше бы его здесь не было.

Лангуасс продолжал;

– С другой стороны, возможно, правы грегорианцы. Демонов следует изгонять, мы не должны общаться с ними. Нужно вбивать кол им в сердце, отрезать голову, сжигать тело, как предписал последний настоящий священник. Власти заявляют, что это – самый подходящий и правильный метод, чтобы увериться в смерти вампира, не так ли? Или ты предпочтешь магию, использованную твоим отцом для проклятия любовницы-вампириши той болезнью? Надеюсь, он научил тебя этой магии?

Ноэл почувствовал, как пот струится по его лицу, хотя было очень холодно. Сердце бешено билось, ему казалось, что удар готовится против него, а не против Кристель.

– Оставь парня, – сказала Кристель. – Он не дикарь, пригодный для твоего дела. отошли его и делай, что задумал. От того, что ты прольешь мою кровь, ничего хорошего не получится, пусть уж она будет только на твоих руках.

Пират раздраженно бросился к ней, взмахнул ножом. Кристель едва шевельнулась, Ноэлу показалось, что она могла уклониться от удара, если бы захотела. Лезвие блеснуло над ее правой щекой остановилось, не задев нос. Сцена выглядела так, будто она сама хотела ускорить кровопролитие.

Лангуасс смотрел, как кровавый ручеек спускается из раны к подбородку. Кровь пошла обильной струей, потому что удар был сильным, но через несколько секунд стала застывать, как это случается у вампиров. Женщина провела правой ладонью по щеке от уха к носу и протянула руку Лангуассу.

– пей, – приказала она.

Он не послушал ее, но не потому, что не хотел, а потому, что она осмелилась приказывать. Ноэл понял это. Лангуасс в глубине души верил опасному поверью, о котором рассказывал.

Кристель поднесла руку к своим губам, слизала кровь с пальцев. Это выглядело естественно, что обеспокоило Ноэла.

– Ты хочешь мое сердце? – спросила она Лангуасса. – Или, может быть, мое горло? – Кристель откинула голову назад, продолжая смотреть на пирата. Ноэл понимал смысл этого движения. Если бы Лангуасс нанес еще один, более сильный удар, она могла бы впасть в глубокую кому, которой вампиры пользуются для самовосстановления. В этом состоянии допрашивать ее было бы бесполезно. Лангуасс мог бы убить ее, но и только.

Пират больше не ударил, спрятал кинжал за пояс, посмотрел на Ноэла, как бы решая, оставить ли его в камере, затем сказал:

– Выйди, ученый. Я с тобой еще посоветуюсь. – Голос его опять стал ироничным.

Ноэл не мог отвести глаз от вампириши. Мысль об этой совершенной красоте, изуродованной ножом, перехватила ему горло. Он знал, что она не ощущала боли, но трагедия искалеченной красоты не становилась меньше от этого.

Через мгновение он отвел глаза и последовал за Лангуассом к двери.

Когда турок выпустил их и задвинул засов, Ноэл услышал всхлипывание Мэри Уайт в соседней камере. Он хотел сказать ей, что надо держаться, что спасет ее, но знал также, что вряд ли сможет сдержать обещание.

– Бедная Мэри! – сказал себе сердито. Было безопаснее держать мысли при себе, чем выражать симпатию вампиру.

4

Ноэл сидел на табурете-треноге в кухне и смотрел на языки пламени. В вдвоенных кипящих котлах над огнем готовились мясо с травами, овощи, пудинг для ужина монахам и незванным гостям. Ноэл уже работал сегодня с Мартином и Иннокентием, а сейчас должен был следить за котлами, иногда вставая, чтобы принести хвороста в огонь или подлить большим черпаком воду в котлы. Еду подадут на деревянных подносах, используемых монахами сотни лет. Они презирают блюда и вилки, которые вошли в моду при дворе. Последователи святого Бенедикта не подвержены веяниям моды.

Работа Ноэла на кухне была несложной. Поскольку монахи очень гордятся своим кулинарным искусством, им требуется только вспомогательная работа. Однако Кордери подчас считал свой труд тяжелым, особенно летом. Однажды он сказал брату Мартину, что эта работа очень напоминает адский огонь, однако тот не оценил сравнения. Оно даже показалось ему своего рода святотатством.

На следующий вечер после неприятного визита с Лангуассом к Кристель д'Юрфе Ноэл был рад найти уединенное место, где мог остаться со своими чувствами и мыслями, наполненными виной. Даже жар огня не мешал ему, разряжая напряжение, выжигая в душе страхи и сомнения. Но его оставили в одиночестве ненадолго.

Он спал, закрыв глаза, уставшие от огня из-под котлов, когда к нему вдруг подошла любовница Лангуасса.

– Извини, – сказала она. – Я не хотела тебя тревожить.

Ноэл раньше читал на неопрятных афишах, которые сообщали о пиратах, разбойниках с большой дороги и были расклеены вплоть до владений Ричарда, что у людей, подобных Лангуассу, есть подружки, но не знал, правда это или результат литературного украшения. Рассказы, прикрывающие восторги напускной тревогой и осуждением, сопровождались изображениями розовощеких женщин, соблазнительниц с экзотической красотой и непредсказуемым нравом. Сейчас Ноэл встретился с легендой, ставшей реальностью.

Несмотря на то, что Лангуасс назвал ее марокканской цыганской принцессой, Лейла не производила впечатление такой же экзотической и узнаваемой, как героини с афиш. Теперь, вблизи, она показалась юноше сотканной из противоречий: все та же мужская одежда с кинжалом на поясе, но возбужденность вчерашнего вечера исчезла, как и отчаянное бесстрашие, темные глаза были задумчивыми, на лице проглядывало сожаление.

Ноэл заговорил с ней раздраженным тоном:

– Чего ты от меня хочешь?

– Лангуасс просил разыскать тебя, Кордери, – сказала она. – Беспokoился, не обидел ли тебя, а ведь он хочет быть тебе другом.

Ее выговор был отчетливым, с необычным испанским акцентом. Ноэл удивился фамильярному обращению, которое контрастировало с претензией на аристократизм, отразившейся в слове «принцесса» и в том, что Лангуасс предоставил ей служанку. Такое обращение не было принято при дворе, им пользовались любовники в минуты близости или родители при обращении с детьми. Она выучила староанглийский язык или сознательно с ним разговаривала так, возможно, по наставлению Лангуасса.

– Я отношусь к нему хорошо, – сказал Ноэл, – но я здесь гость и опасаясь за положение своих хозяев. Надеюсь, он поймет, что нужно побыстрее уехать, иначе может случиться большая беда.

Лейла стояла перед ним, чуть ближе, чем ему хотелось бы. Пока юноша сидел – смотрела ему прямо в глаза. Он не мог разглядеть их из-за бликов пламени, встал, немного отошел и, когда обернулся, смог рассмотреть ее лучше. «Принцесса» была хорошенькой, в обычном

понимании, но не красавицей. Она была милой, по-своему приятной. Но цвет ее лица нельзя было сравнить с опаловой бледностью великолепных женщин-вампиров двора, являющихся для Ноэла верхом привлекательности.

Она же, казалось, смотрела на него с обожанием, это его смущало, вспомнился пристальный взгляд Кармиллы Бурдийон на фатальной встрече накануне бегства из Лондона. Он нечасто бывал в компании женщин и знал, что не умеет ни понимать их, ни отвечать им.

– Он станет твоим другом, – повторила Лейла, – и лучшим, чем эти монахи.

– У него опасный путь, – ответил он. – Монахи сдержанные, но более надежные друзья.

Она не поняла.

– Ты станешь монахом? – спросила она. – Разве ты создан для безбрачия и молитв, а не для приключений и женской любви?

– Мужчины становятся кем хотят и кем могут, – сказал он.

Она оглядела кухню, будто пытаясь найти подтверждение его словам.

– Возможно, но я была рабыней, пока Лангуасс не освободил меня. Он мог оставить меня, но дал мне шанс. Теперь он один называет меня принцессой. Я свободна и убила двоих ему подобных, которые пытались удержать и использовать меня.

– Хорошо, – мягко сказал Ноэл, – рад этому. Я не хотел бы, чтобы ты была рабыней или несчастной с Лангуассом. Хочу, чтобы ты была счастлива, но действительно не знаю, смогу ли я стать пиратом.

Она улыбнулась. Эта улыбка застала его врасплох, но он был доволен и улыбнулся в ответ.

Теперь робость охватила ее, она отвела взгляд:

– Ты мне нравишься. Я хотела бы, чтобы ты уехал вместе с нами.

– Вполне возможно, – ответил Ноэл, чувствуя, что не лжет, так как сам не знал своей судьбы.

– Меня попросили сказать тебе еще одно, – добавила она. – Присмотри, чтобы женщину-вампира и ее служанку накормили, но не оставляй их вдвоем. Мой хозяин не хочет, чтобы вампирша получила порцию крови. Принеси Селиму пищу тоже. Он стережет их.

Ноэл нахмурился и коротко ответил, что исполнит это. Потом опять сел, показывая, что ей пора идти. Она колебалась, но, когда после молитвы возвратился Мартин, окинув ее критическим взором, быстро удалилась. Монах искоса глянул и на Ноэла, но тот сделал вид, что не заметил неудовольствия Мартина, и взял один из рычагов, которыми снимали с огня котлы. Чуть позже Ноэл отнес в камеры два подноса. Третий принес турку слуга. Ноэл зашел сначала к Мэри Уайт, та подбежала и, несмотря на открытую дверь, обняла его за плечи.

– О Кордери! – воскликнула она. – Ты должен помочь нам, потому что они хотят сжечь мою госпожу, я боюсь даже думать, что случится со мной. – Она была напугана, и присутствие безносого усиливало эти страхи.

Он не мог успокоить Мэри ложью, даже если бы ей стало лучше, сказал только:

– Сначала я должен зайти к госпоже, Мэри. Вернусь через минуту.

Она отпустила его и заметила, что он закрыл дверь, не поставив засов на место. Турок, который уже набивал свой рот, молча смотрел на них. Ноэл не знал, говорит ли Селим по-английски или вообще не может говорить, поэтому промолчал. Открывая дверь и входя в камеру, он чувствовал на себе взгляд турка.

Войдя, поставил поднос на пол. Кристель посмотрела на мясо не только равнодушно, но даже с подозрением. Она сидела на скамье как и раньше. Шрам уже бледнел, скоро исчезнет совсем.

– Это только мясо, госпожа, – сказал Ноэл, чувствуя ее тревогу. – Оно не отравлено. Когда оно готовилось, его касался только я.

Женщина одарила его болезненной улыбкой.

– Значит, сейчас меня боятся меньше, – сказала она. – Они позволят мне прийти в себя, поскольку считают беспомощной в заточении. Наверное, я так и сделаю: усну глубоким сном.

– А вы сможете? – спросил он.

Ее лицо стало непроницаемым.

– Так они послали вас выведать это хитростью? Не стоит. Я не могу стремиться глубоко уснуть; крепкий сон должен сам прийти. Это не то, что мы делаем, но это то, что происходит с нами. Если мне откажут в крови, как того хочет пират, тогда я погружусь в глубокий сон, как было под воздействием яда. Мы все, каждый по-своему, пленники нашего бытия. Но не ждите здесь, Кордери, – вы нужны Мэри больше чем мне, и должны сделать все, чтобы помочь ей.

Он не поверил ее заботе, пытаясь понять, не играет ли она, чтобы произвести впечатление. Вампиры-женщины славятся хитроумием соблазнения и бессердечием измен, поэтому Ноэл не принял ее слова за чистую монету. Если все, что рассказывали о вампирах, было правдой, тогда безразлично, что случится с простой служанкой.

Он вышел из камеры, заперев за собой дверь, посмотрел на турка, резавшего кусок мяса с удивительной мягкостью и точностью. Затем вернулся в камеру Мэри Уайт.

Она все еще не прикоснулась к пище, нетерпеливо ожидая его.

– Что же они хотят делать? – спросила Мэри в приступе волнительного ожидания. Она не подошла как раньше, а стояла в пяти футах от него, обняв руками плечи.

– Не знаю. Но монахи не хотят, чтобы вам причинили вред, и даже у пиратов есть крупица уважения к Божьему дому. Лангуасс – нежестокий человек и не станет к своему греховному бремени прибавлять еще одно убийство.

– Но вы поможете мне? Вы не позволите обидеть меня?

«Что это? – думал Ноэл. – Она считает меня одним из них, бесправного среди бесправных!»

– Я сделаю все, чтобы обезопасить тебя, – успокоил он.

– И мою госпожу тоже? – В голосе Мэри послышалось сомнение, будто она не надеялась на подтверждение.

– Не хочу, чтобы кого-нибудь убили или ранили, сказал он, – даже вампира. Ты должна есть, если можешь. Пища согреет и придаст сил.

Она с готовностью кивнула и села на кровать, подняв поднос с пола. Он вышел, поднял засов, запер дверь и посмотрел на турка. Уходя по коридору, Ноэл чувствовал на себе взгляд его глубоко сидящих раскосых глаз. Парень, который ждал его, дрожал от страха перед стражником.

В трапезной Ноэла подозвал к себе аббат, справа от которого на привычном месте Квинтуса сидел Лангуасс, на месте Иннокентия Ноэл увидел подружку пирата.

– Я попрошу тебя сделать кое-что для аббатства, – сказал аббат, чей ровный голос не мог скрыть беспокойства. – Завтра ты должен пойти в город, чтобы устроить проезд в Ирландию нашим... гостям. Привлечь к этому королевского представителя или арендаторов, работающих на монастырских землях, нежелательно, и мы решили, что лучше всего поручить это тебе. Ты получишь соответствующие бумаги.

Ноэл бросил взгляд на Лангуасса, который внимательно наблюдал за ним. Вероятно, просьба исходила от пирата, хотя слова аббата о нежелательности обращения к королевскому служащему, посредничавшему в делах монастыря, были правдой. Участие аббата в этом деле должно остаться в тайне, а упоминание об арендаторах содержало замаскированный призыв к осмотрительности, скрытности, хотя Ноэл и сам был заинтересован в этом, выходя за пределы своего убежища. Приближалось новое испытание, за прохождением которого будут внимательно наблюдать все заинтересованные.

«Почему, – спрашивал Ноэл невидимого свидетеля, – меня не оставят в покое, пока не закончится эта заварушка? Почему никто ни о чем у меня не спросит?»

Но только вежливо сказал аббату, что с удовольствием все сделает. В конце концов, мысль о том, что он поможет аббатству избавиться от пришельцев, утешала. Если бы их удалось отправить тайно, жизнь вошла бы в обычную колею.

Когда он занял свое место за столом, ему показалось, что все глаза устремлены на него и все хотят втянуть его в смертельно опасную игру, в которую однажды играл Эдмунд Кордери.

5

Ноэл с большим удовольствием поехал бы в Кардиган один, чтобы выполнить поручение пиратов, но Лангуасс решил его сопровождать. Аббат назвал суда, находящиеся в это время в гавани, чьи капитаны знали его. Этим капитанам можно доверять, они должны откликнуться на призыв Ноэла о помощи. Аббат иногда ссужал деньгами уэльских рыбаков и купцов, у него была доля в собственности судов, напоминая о более зажиточных временах. Исходя из этих соображений, Ноэл надеялся, что дело можно осуществить спокойно и быстро, но, как видно, пират ему не доверял. Невозмутимо выслушав слова юноши о ненужности риска, Лангуасс сказал:

– Здесь немногие знают меня. В любом случае должен видеть, на чем отсюда отчалию. Я разбираюсь в этих яликах и ботиках, и мне нужно что-то способное ходить в море. Я должен условиться с капитаном о месте и времени посадки. Нам необходимо по возможности тихо смыться, так, чтобы вампиры не узнали. Нужна спокойная бухта, где судно средних размеров могло бы незаметно причалить к берегу.

Так, вместе, на рассвете они отправились в путь. Лангуасс не очень скрывал лицо, надев соломенную шляпу коробейника и неопределенного вида одежду.

Аббатство находилось на северном берегу Тейфи, на низком холме, и было ближе к морю, чем город, к северу от церкви простирались желто-зеленые поля, спускавшиеся к дюнам, виднелось побережье моря, расходившееся в стороны от впадения реки. Лангуассу ландшафт не понравился.

– Слишком открытое место, – сказал он. – Было бы лучше, если здесь были незаметные бухты, как в Гавере. Если дело дойдет до драки и погони, высокий кустарник, лес нам бы больше пригодились.

Земли вокруг аббатства были тщательно обработаны не столько из-за тяги монахов к наживе, сколько из-за нужды людей. Население городов Уэльса быстро увеличилось за последние пятьдесят лет, а эта полоса земли у Кардиганского залива дает хороший урожай. Холмы дальше от берега годились только для овцеводства. Когда Лангуасс спросил, какая земля принадлежит аббатству, Ноэл объяснил, что аббат почти всю землю сдал иоменам, собирая налоги через чиновника, сами же монахи держали огороды и разводили кур, но монахов было слишком мало, а преклонный возраст не позволял им пахать, сеять, собирать урожай на всем земельном владении.

– Возможно, им следует заняться разбоем на дорогах, как раньше делали монахи из Вэлли-Круциса, – предположил Лангуасс, когда они вышли на проселок, ведущий к мосту через Тейфи, двумя милями выше города.

Пират сказал, что чувствует резкий неприятный запах, который раньше не ощущал. Ноэл ответил, что так бывает всегда после дождя.

– Карьеры Гавера слишком далеко, фермеры не могут покупать там дешевую известь для обработки полей, – объяснил Ноэл. – Поэтому они собирают на берегу водоросли, рубят их, гноят и удобряют землю. Даже сейчас, когда хлеба уже высокие, запах чувствуется.

Скоро, спускаясь к мосту, они увидели город, разбросанный на склоне выше гавани, с замком, возвышавшимся над домами, как нормандский карбункул на болезненной плоти Уэльса. Замок не был похож на крепость. Его предназначением было защищать нормандских аристократов от жителей Уэльса, а не оборонять город от нападения со стороны моря. На самом деле его никогда не атаквали, даже во времена восстания Овейна Глин Дира, бывшего последней серьезной попыткой во всей Британии оказать сопротивление империи вампиров.

Квинтус сказал Ноэлу вскоре после его приезда в Кардиган, что жителям Уэльса в правлении нормандцев больше всего не нравилось не то, что империей руководили наследники

Аттилы, а то, что над ними поставили английских лендлордов и городских магистров. Если бы Глин Дир стал вампиром, считал монах, Уэльс мог бы легко стать лояльным анклавом империи. Потомки Овейна Тюдора были заклятыми врагами Ричарда и говорили о себе как о законной королевской семье британской нации. Некоторые из приверженцев Тюдора называли себя потомками Артура, проводя связь с легендарным героическим королевством, но это было преувеличением. Даже если подсчитать все несчастья Уэльса, то не во всех был повинен владелец Кардиганского замка, и к нему относились со снисходительностью, хотя даже безземельные иомены называли его «нормандской кукушкой».

Дорога к Кардигану была оживленной. Хотя день был будничным, по дороге шел поток запряженных быками повозок с грузами для города, скакали всадники. Десятки людей шли пешком с узлами всех видов и размеров. Ноэлу пришлось по душе эта толпа, в которой он меньше привлекал внимания. По лицу Лангуасса было видно, что тот не любит толпу, как и поля.

– Сколько же в мире дураков! – воскликнул он, когда рядом с ними проскрипела повозка, заваленная луком и капустой, за которой следовала телега побольше с упряжкой из двух лошадей, нагруженная углем. Телеги подняли тучу пыли, заставившей путников прикрыть лица руками.

– Почему так? – спросил Ноэл. – От этих честных тружеников ни пирату поживиться нечем, ни вампиру. Гордись, как Ричард, при виде богатых и трудолюбивых.

Лангуасс нахмурился, услышав о Ричарде. Ноэл понял, что их взаимная ненависть не преувеличивалась.

– Несомненно, Ричарду понравилось бы процветание подданных, – ответил пират кисло, – потому что он может изображать из себя героя и раздражается, когда им не восхищаются или его не уважают. Ты знал его в Лондоне?

– О нет, – засмеялся Ноэл. – Мой отец был механиком, а не придворным. Я водил компанию со слугами, такими как Мэри Уайт, не с сильными мира сего.

– Князь иногда не слишком важничал, – хмуро сказал Лангуасс. – Если бы он тебя приметил, такой парень, как ты, мог бы стать вампиром.

– Я не стремлюсь стать вампиром, – заметил юноша.

Лангуасс саркастически засмеялся:

– Не будь лицемером, парень. Нет ничего стыдного в желании быть вечно молодым, даже если ты ненавидишь весь благородный сброд, который подло присвоил себе этот дар, чтобы удерживать тиранию. Никто по-настоящему не хочет уничтожить вампиров, кроме горстки фанатиков-грегорианцев и пуритан. Сражайся против легиона бессмертных всеми способами, но борись за собственное бессмертие. Вот что я сказал бы своему сыну, если бы он у меня был.

– Возможно, Лейла тебе подарит, – пробормотал Ноэл, отворачиваясь и кашляя от пыли, поднятой тяжелой телегой.

– Не думаю, – спокойно ответил Лангуасс. – Она носила ребенка, когда была в рабстве. Тогда ей было не больше двенадцати лет. Чуть не умерла, и я не думаю, что теперь она вообще сможет родить.

Ноэл изумленно посмотрел на него, но ничего не сказал.

– Как тебе нравится моя маленькая принцесса? – спросил насмешливо Лангуасс. – Она премиленькая, не так ли?

– Да, – ответил Ноэл. – Она рассказала мне, что была рабыней и ты ее освободил.

– Я убил ее хозяина, – подтвердил Лангуасс. – Не могу сказать, что сделал это из благородства, это была просто необходимость. Не мог оставить ее своей рабыней и сказал, что она свободна. Она была восхищена, не думаю, что притворялась. Возможно, ты ее соблазнишь и покажешь, что такое настоящая свобода.

Ноэл покраснел, насмешив пирата.

– А, – сказал Лангуасс, – вижу, Лейла тебе не нравится. Она мила, но не красавица, как Кристель.

– Я не... – начал Ноэл, но понял, что не знает точно, что хочет сказать, и совсем смутился. Но Лангуасс уже перестал насмешничать, сменил тему.

– Красота вампирш – самое коварное орудие их правления. Офицерами их армий владеет простая амбиция. Но у них значительно больше верных слуг, верность которых скреплена любовью к женщинам-вампирам. Это очень умно, что милovidных девушек превращают в вампиров, и то, что я знаю, подсказывает мне, что они не могут получить от своих женщин такое же удовольствие, как обычные люди. Они не все такие, как Ричард, так же как не все турки похожи на моего верного Селима, но долгая жизнь делает их холодными, убивает желания. Думаю, что они создают вампирш не для собственного удовольствия, а для того, чтобы привлекать и околдовывать влюбленных парней и страстных мужчин. Восхищайся Кристель д'Юрфе, если хочешь, но всегда помни, что она – приманка в смертельной ловушке, учись ненавидеть ее, а не любить. Запомни это, Кордери, я знаю, о чем говорю.

– У моего отца было другое впечатление, – сказал Ноэл, – он сказал мне...

Лангуасс опять прервал его, теперь уже более резко.

– У твоего отца были все основания для другого впечатления. Я не черню его перед тобой, но он не был бескомпромиссным. Я знаю, что в конце концов он убил ту женщину, но, думаю, он служил вампирам всю жизнь более честно и результативно, чем сам считал. Не знаю, почему Бог дал вампиршам такое обаяние, но я знаю, как вампиры – лорды и князья – его используют, и говорю тебе еще раз, что умные люди учатся ненавидеть, а не любить. Направь свое сердце, Кордери, и пусть оно хорошо выучит урок, иначе обманет тебя и ты окончишь свою жизнь на плахе, как предатель, или на костре, как еретик.

Ноэлу достаточно хорошо было известно умение пирата убеждать, но он не согласился с ним.

– Мой отец хорошо знал вампиров, – сказал он. – Понимал лучше, чем кто бы то ни было, что они такое и на чем стоит их империя страха. Правление немногих над многими обеспечить нелегко, даже если этих немногих трудно уничтожить. Они говорят, что полностью контролируют превращение в вампиров, но мой отец не был в этом уверен. Он полагал, что вампиры сделали бы больше, если бы могли, чтобы укрепить свою империю. Однажды сказал мне, что вампиры могут быть такими же рабами предрассудков, как мы, и что даже Аттила не совсем понимал, как получают вампиры. Во всем этом может быть меньше намерения, чем мы думаем.

– Так ты не веришь в шабаш вампиров? – спросил Лангуасс со своей вызывающей иронией. – Разве самого дьявола не призывает в Тауэр князь Ричард, чтобы превратить в вампиров тех, кто на его службе натворил зла больше всех? Разве не говорят некоторые книжники, что человеку достаточно отведать плоть новорожденного и святотатственно поцеловать в задницу Сатану, чтобы стать бессмертным? Разве нет шабашей, на которых черт делает мужчин вампирами через мужеложство?

– О да, – сказал Ноэл, – но это – бредовые фантазии для того, чтобы усилить ужас обычных людей перед вампирами, если это еще нужно. Мой отец говорил, что присутствие Сатаны объясняет или слишком многое, или совсем ничего.

– Ну и критик! Каким многосторонним стал Эдмунд Кордери под покровительством этой великой леди! И все же, с твоего разрешения, я сомневаюсь в его всезнайстве, – заявил пират.

Ноэлу оставалось только выслушать. Они приближались к городским воротам, их могли услышать в густой толпе. Не стоило говорить о вампирах там, где могли шнырять шпионы.

Они спустились по склону от замка к гавани, где виднелся лес мачт рыболовецких судов.

– Мы должны заглянуть в трактиры на набережной, – сказал Ноэл. – Там найдем нужных людей.

– А здесь мы послушаем новости и выясним, знает ли кто-нибудь, что я не погиб. – Голос пирата вдруг стал низким, бесцветным: он не мог чувствовать себя уверенно на суше, в порту, где раньше никогда не бывал, тем более не зная, преследуют его или нет.

Ноэл вначале повел его в «Мэрмейд», где обычно останавливались два капитана, связанные с аббатством, но ни одного из них не оказалось. Ноэл купил для себя и пирата пиво, которое было получше, чем то, какое варили в аббатстве, и они смогли устроиться в темном уголке, притворившись соглядатаями, в свою очередь. Ничего интересного не услышали, и Лангуасс скоро попросил Ноэла отвести его в другое место. Они перешли в «Три бокала» и здесь нашли капитана по имени Ральф Хейлин, стоявшего вторым в списке аббата среди людей, которым можно доверять. Это был грубоватый седой человек лет шестидесяти или старше, но крепкий и крупный, имевший вид джентльмена.

Хейлин никогда не видел Ноэла, но, когда тот показал письмо аббата, немедленно проводил обоих наверх, в комнату, где жила его любовница. Отправив ее с поручением, он пригласил гостей присесть и приготовился говорить о деле с таинственными незнакомцами. Ноэл отметил про себя, что ему наверняка уже приходилось брать на борт секретный груз.

Юноша объяснил, что в Ирландию необходимо незаметно переправить пятнадцать человек, друзей церкви Уэльса. Не сказал прямо, но намекнул, что это еретики, которыми интересовались монахи-доминиканцы. Хейлин посмотрел на Лангуасса, и Ноэл заметил подозрение в его взгляде. Хоть уэльсец не мог узнать пирата по лицу и манерам, он видел, что перед ним решительный человек, который мог бороться против вампиров не только в мыслях, но и на деле.

Единственное возражение Хейлина было вызвано слишком большим количеством перевозимых, на что Ноэл немедленно ответил, что и плата будет соответственной.

– Можете заплатить золотом? – спросил капитан.

Ноэл заколебался, но Лангуасс быстро вмешался в разговор:

– Частично. У нас с собой немного золота, и деньги нам понадобятся в Ирландии. Но я дам вам с радостью десять соверенов, пятую часть того, что у нас есть.

– Слишком мало! – сказал Хейлин, но отказ не был твердым. Ноэл понял, к чему клонит Лангуасс, говоря, что будет везти больше золота, чем готов заплатить. Хейлин думал, что, находясь в море, может запросить больше. Искушение отвлекло его внимание от того, что получение денег вообще было под вопросом.

– Не забывайте, Хейлин, – сказал Ноэл, – что если вы сделаете это, аббатство будет перед вами в долгу, хотя сейчас вы – должник аббата.

Хейлин вновь демонстративно посмотрел на письмо, привезенное от аббата, и заявил:

– Это может быть опасным делом. У меня нет желания оскорбить Уэллбилава или доминиканцев. Я – честный человек.

– Хейлин, – сказал Ноэл, – мы пришли, зная вашу честность. У меня поручение от аббата убедить вас. Добрые монахи будут вашими должниками и помогут вам.

– Не знаю, как вас звать, ученый, – сказал Хейлин Ноэлу, – но думаю, что знаю, кто вы. Вы наверняка называете ваше занятие Истинной верой, но можете накликасть дьявола на таких, как я. Не желаю зла монахам, и я их должник, это верно, но они должны знать, что я не скажу им спасибо за эту работу.

– Они отблагодарят вас, – заверил его Ноэл.

– В замке – всадники из Свонси, – сказал неуверенно капитан, – а моряки с «Файрдрейка» находятся на пути сюда от милфордской гавани. Не хочу неприятностей, если эти люди как-либо связаны с вами.

– Нет, – солгал Лангуасс. – Наше дело – полная тайна, нам не нужно подвергать вас риску или слишком торопиться. Готовьте судно как к обычному плаванью. Мы поднимемся на борт тайно, не на виду у всего города. Где безопаснее переправиться на судно в лодке?

Хейлин заколебался, но ответил:

– В четырех милях севернее аббатства есть небольшой заливчик. Это земля Ивэна Розье. Аббат знает это место и покажет вам на карте.

– Вы должны послать там лодку к берегу, – сказал Лангуасс. – В четыре утра послезавтра.

– Здесь редко дует ветер в сторону Ирландии, – возразил Хейлин. – Поэтому я не могу сделать это так скоро.

– Кто знает, какой ветер будет послезавтра? – проговорил Лангуасс. – Чем скорее, тем лучше для всех нас. Я удвою плату; это все, что я могу сделать. Добрая воля аббата увеличит ставку.

– Я должен знать, кто вы, – отрезал Хейлин. – Иначе не могу.

– Вы знаете Мередидда-ап-Гейвиса, – сказал Лангуасс, прежде чем Ноэл успел что-либо ответить. Речь шла об уэльсце, которого недавно посадили в тюрьму в Свонси, где он ждал суда. Было похоже, что его приговорят к смертной казни за измену. Ноэл не был уверен, знает ли его Лангуасс, но Хейлин знал его совершенно определенно.

– Вы не из его людей, – осторожно заметил Хейлин.

– Я его друг, – ответил пират.

– Но вы не нормандец? – спросил уэльсец.

– Если бы я был нормандцем, – хмуро произнес Лангуасс, – не просил бы помощи у лояльного уэльсца. Говорю вам, что я друг Мередидда-ап-Гейвиса, и у вас есть письмо аббата. Если вы откажете нам в помощи, ваши собственные земляки проклянут вас в будущем. Оставим эту торговлю. Я улажу это дело. Большое это судно?

Хейлин заколебался, но в конце концов ответил на вопрос:

– Тридцать пять ластов¹.

– Какой экипаж?

– Шестнадцать человек.

– Сколько оружия на борту?

Хейлин нахмурился, и Ноэлу это не понравилось. Капитан попытался смутить пирата взглядом, но не смог.

– Пять полупик и четыре мушкета, – сказал он наконец, – шесть фунтов пороха для пушек, два фунта свинцовых пуль. Вы думаете, что они нам понадобятся?

– Если вы никому ничего не скажете, мы будем в Ирландии, даже не выругавшись, – ответил Лангуасс. – Не раздражайтесь, что я расспрашиваю так подробно. Сейчас мы в ваших руках. Я должен верить незнакомому капитану, его судну; вы – только аббату из Кардигана, которого знаете, и Богу, который добр к честным людям.

– Я сделаю это, – угрюмо сказал Хейлин. – Мне можно доверять, и аббат это знает.

Когда они ушли, обсудив еще раз детали плавания, Лангуасс настоял на посещении бухты, где стояло судно Хейлина. Он хотел удостовериться, что оно в порядке, хотя Ноэл не сомневался в этом. Пират нашел судно неплохим, но заметил, что плавание будет лишено удобств, если учесть обусловленную плату.

– Судно в порядке, – сказал Ноэл. – Не нужно было спрашивать об оружии. Так можно отпугнуть.

– Он слишком алчен, чтобы легко пугаться, – пробормотал пират. – Он знает, что есть опасность, а излишняя осторожность может навредить. Чтобы убедить такого человека, его надо запугать или подкупить.

– Это ваше дело. – Ноэл пожал плечами. – Вам нужно плыть... и монахи будут рады.

---

¹ 1 ласт – 4000 английских фунтов.

– О да, – ответил Лангуасс. – Вы, любители покоя, только этого и ждете. Но мне нужно думать о будущем. Ваш аббат не хочет участвовать в моих делах, но мне нужно будет начинать все заново.

– Уже начали, – сказал Ноэл. – Сейчас мы должны поспешить в аббатство, ждать назначенного часа и молиться, чтобы вам ничто не помешало.

Лангуасс посмотрел на него из-под своей соломенной шляпы и улыбнулся, по-волчьи ощерив зубы.

– Ожидание не будет тяжелым, – сказал он. – Мы теперь друзья, не так ли? Мы сумеем развлечься, не сомневаюсь в этом.

6

Этой ночью Ноэл спал крепким сном впервые с тех пор, как появился в аббатстве. Казалось, что все в порядке, кошмар может уйти, оставив жизнь аббатства неизменной. Он хотел, чтобы его оставили в покое и не требовали обещаний, которые должен был давать, не имея возможности выполнять. Юноша считал малодушным это желание, но тем не менее оно не проходило. Сон пришел к нему как долгожданное избавление: не нужно было думать.

Но спать всю ночь не пришлось. Под утро Ноэл почувствовал легкое прикосновение. Несмотря на усталость, вздрогнул и мгновенно проснулся.

При свете свечи разглядел лицо разбудившего. Это была чем-то озабоченная Лейла, цыганка. На мгновение подумал о ней как о женщине, но она пришла явно не для того, чтобы забраться к нему в постель. На ее лице был написан страх, но не желание.

– Кордери, – сказала она полупшепотом, – сделай мне одолжение.

Эти слова можно было бы принять за неловкое приглашение, если бы не выражение лица цыганки. Ноэл смотрел на нее, пытаясь отгадать причину такой обеспокоенности.

– Что такое? – спросил он. – За Лангуассом пришли солдаты?

– Он с госпожой, – прошептала она. – Пойдем к ним. Она сказала, что проклянет его. Я слышала, как она обещала, что, если он причинит ей боль, она отомстит.

Ноэл сознавал, что Лейла очень боится вампирши, так как была магометанкой, принадлежала к нации, которая не терпела вампиров. Она не видела других вампиров, кроме Кристель д'Юрфе, и все, что знала о них, почерпнула из фантастических сказок о магии и злодействе.

– Не думаю, что она может навредить ему, – успокоил ее Ноэл.

– А если он что-нибудь сделает с ней?

Что было за этим вопросом, он не знал. Может быть, ловушка, поставленная пиратом? Как нужно было ответить?

– Почему тебя это беспокоит? – грубо спросил он.

Лейла ответила. Возможно, ревновала, боялась или позвала, чтобы предотвратить насилие. Но она действительно боялась. Это был страх перед магией, перед воплощением порока, перед дьяволом, в существование которого магометане верили не меньше, чем христиане, хотя и называли иначе.

Ноэл не мог ее прогнать и в спешке оделся, еще не зная, что делать. Он ей ничем не был обязан и не думал, что обладает большим влиянием на Лангуасса, чем она сама. Ничем не был обязан и вампирше, чтобы выступать в ее защиту, но все же решил идти, может быть, из-за ненужного обещания, которое дал Мэри Уайт.

Лейла быстро повела его к камерам. У двери на карауле стоял невысокий человек, который чуть раньше держал нож у горла Ноэла. Их появление изумило его. Он двинулся, чтобы задержать их, но Лейла сделала шаг вперед, положив руку на свой кинжал. Поколебавшись, охранник пропустил их.

Дверь в камеру Мэри была закрыта. Оттуда не доносилось ни звука, но другая дверь была широко распахнута. Лангуасс и турок находились внутри. Они принесли с собой фонарь и жаровню с углями из кухни.

Руки вампирши были связаны, конец веревки пропущен через кольцо в стене, к которому когда-то крепились кандалы. В старину, когда нормандцы еще не построили здесь свой замок, аббатство было единственным надежным местом, служившим тюрьмой для преступников в Абертейфи.

Кольцо висело высоко на стене, тело женщины неловко вытянулось; она чуть касалась пола, прижавшись лицом к холодной стене.

Мучители били ее по спине веревкой в узлах, оставляя на спине багровые пятна и рубцы. Кровь струилась по бедрам. На краю жаровни лежали два ножа лезвиями в углях, турок раздувал жар кухонным мехом.

Лангуасс сделал паузу, пока ждал ножи, которыми намеревался жечь вампиршу. Приход Ноэла не удивил его, а развлек, хотя на любовницу пират посмотрел с легким неудовольствием.

– Ученый! – сказал он. – Добро пожаловать на наш спектакль. Может быть, ты хочешь сам расплатиться с ней или задать пару вопросов в надежде, что на них ответят?

Кристель молчала, не шевелилась, не повернулась даже, чтобы увидеть, кто пришел. Ноэл не мог сказать, в трансе ли она.

– Это глупая игра, – сказал он пирату, пытаясь говорить разумно, внушительно. – Она может контролировать себя и ничего не скажет.

Лангуасс засмеялся:

– Как мы можем узнать, что она чувствует? Она не будет кричать или просить о пощаде, но тело ее дергается под плетью или когда я прижигаю его. Возможно, ей все равно, но уверен, она чувствует и знает, что с ней происходит. Она еще в сознании, это точно, и, может быть, захочет рассказать нам, например, как стала вампиром, какой эликсир жизни сделал ее бессмертной. – Лангуасс опять посмотрел на Лейлу, съезжившуюся под его взглядом и брезгливо добавил: – Она не может навредить мне, дурочка. Ты же не думаешь, что я такой же слуга Сатаны, как она? Неужели, если бы у нее была волшебная сила, она не улетела вместо того, чтобы попасть к нам в руки? Я не испытываю судьбу; это судьба преподнесла мне подарок, и я соберу долги, которые мне причитаются.

– Какие долги? – спросил Ноэл.

Лангуасс смотрел на пылающие угли, на лезвия раскаленных ножей.

– Ей подобные пытали и унижали меня, – проговорил он. – Они послали меня на галеры как нищего уличного воришку. Мало того, что меня избивали, пока я налегал на весла; они хлестали меня бичом на дьявольской галере, а арабы и марсельская шваль смотрели и радовались каждому удару. Потом они послали меня в гнилую больницу, чтобы растравить раны, там люди кричали, когда их носы превращались в большую гноящуюся рану. Они сказали, что, если я не стану покорным, мне отрежут нос, чтобы украсить к тому дню, когда я встречу с чертом.

Ноэл ничего не мог сказать. Голос пирата, чрезвычайно холодный и отчаянно злой, не допускал возражений.

– Ты знаешь, Кордери, – продолжал Лангуасс менее зло, – что наказанного раба на галере обливают горячей смолой. Здесь ее нет, но уверен, горячие ножи отлично ее заменят. Ты думаешь, что я оправился от ран так же легко, как оправится она? Я причину этой женщине такую же боль, какую чувствовал сам. Может быть, вы оба скажете, что я не обязан расплатиться за все?

– Это же не она причиняла вам боль, – осмелился возразить Ноэл.

Лангуасс подошел к нему вплотную, полный едва сдерживаемой ярости.

– Эта Кармила Бурдийон мучила твоего отца?! – крикнул он. – Ты не знаешь, что все, кто пользуется привилегиями тиранов, должны отвечать за жестокость? Не утверждала ли римская инквизиция, которая сжигала старух как ведьм, что осужденная ведьма ответственна за все преступления своего племени? Как мы можем говорить другое о вампирах? Каждый действует от лица всех, и эта женщина должна отвечать за всех.

Она ответственна не только за то, что сделала мне, но и за все, что было сделано англичанам во имя мира и процветания Галльской империи. Я с удовольствием бы мучил Ричарда с его львиным сердцем или какого-нибудь могущественного князя, подобного Владу Дракуле, но все, что у меня сейчас есть, – это Кристель д'Юрфе, и я не смягчусь от ее красоты – маски, скрывающей коварную душу.

Ноэл видел, что в этом человеке накопилась такая ярость против вампиров, которой в нем самом не было и, возможно, никогда не будет, если только не познает боль, унижения, через которые прошел пират.

– Прошу вас, остановитесь, – сказал он, – ради добрых монахов. Вы сегодня мне напомнили, что должны думать не только о том, что делаете здесь. Так и должно быть. Если после вашего отъезда станет известно, что тут пытали вампира, Уэллбилаву ничего не останется, как уничтожить аббатство, а монахов сожжет инквизиция, как вы и сказали. Их обвинят заодно точно так, как вы объяснили.

Лангуасс не желал слушать его.

– Они принадлежат к Истинной вере, – сказал он. – В глазах папы Борджиа, они – еретики и мятежники. А твое учение, Кордери, не чистая ли ересь? Каждый раз, переворачивая страницу в запрещенных книгах, ты предрекаешь свое сожжение, не так ли?

Это было правдой, хотя Ноэл не любил так думать о своей работе.

– И в глазах Истинной веры, – продолжал Лангуасс, снизив голос до свистящего шепота, – разве не должны гореть вампиры, чтобы возродилось человечество?

Он повернулся к жаровне, обмотал руку тряпкой, чтобы не обжечься раскаленным ножом, подошел к вампирше и положил лезвие ей на спину. Послышался жуткий звук, напоминавший Ноэлу шипение в голосе пирата, в воздухе распространился запах паленого, после чего турок захохотал, забил в ладоши. Это было первым, что Ноэл услышал от него.

Лейла в страхе отпрянула. Ноэл задержал ее так, что она уткнулась лицом в его грудь.

Когда Лангуасс увидел это, огонек злого торжества в его глазах заколебался, он криво усмехнулся и бросил горячий нож на пол. В отличие от турка он не был восхищен тем, что сделал.

«Он все же человек», – подумал Ноэл.

Кристель не издала ни звука, несмотря на кровавую рану на спине. Мышца на лопатке, казалось, наполовину растаяла, тело вздрагивало от шока. Ноэлу было жаль ее.

Женщина повернула голову, чтобы посмотреть через плечо на своего мучителя. В ее глазах читалось злорадное презрение, и Ноэл был рад, что цыганка не увидела этого. Турок Селим заметил все, но захихикал еще больше. Он не боялся сверхъестественной мести за то, что сделал его хозяин.

– Вы будете жечь ее дюйм за дюймом? – хрипло спросил Ноэл. – Вы это намереваетесь делать?

– Почему бы и нет? – сказал Лангуасс. – А также причинять любую другую боль. До того как она уснет, я пообещал турку и моему верному слуге, что они развлекутся с ней. Селим предпочитает мальчиков, как ваш благородный князь Великой Нормандии, но при случае окажет честь и женской заднице. У него не было вампирш, и хотя госпожа имела много обыкновенных любовников, я рискую предположить, что безносых у нее не было.

Цыганка застонала, еще крепче прижавшись к Ноэлу.

– Для себя, – сказал Лангуасс, – я возьму только немного крови.

Он провел пальцем правой руки по спине женщины, поднял окровавленную руку так же, как это делала вампирша, когда приглашала его лизнуть кровь. Он не хотел брать с ее пальцев то, что охотно зял со своих. Затем посмотрел на Ноэла и уловил упрек в его взгляде.

– Я хотел бы стать вампиром, – сказал Лангуасс с горечью. – Тогда я обратил бы на них собственную ярость, и этот трусливый Ричард не мог бы сказать как когда-то, что для него недостойно встретиться со мной. Я был бы тогда так же жесток, как их легендарный Дракула. – Произнося эти слова, он не казался очень радостным и уверенным в своей решительности, а задумчиво смотрел на свои пальцы. Видимо, кровь не была такой приятной для пирата, как он ждал.

Лангуасс принес другой нож, обернул руку тряпкой, как раньше, незаметно стерев оставшуюся кровь с пальцев. Когда он поднял горячее лезвие, чья-то рука опустилась на плечо Ноэла и отодвинула его в сторону от двери. Кордери оглянулся и с радостью увидел, что это не аббат, который сомлел бы от шока, а Квинтус, более крепкий и решительный.

– Бросьте нож, прошу вас, – сказал монах спокойным четким голосом. Стражник подошел к нему, но не решился остановить.

– Идите в свою спальню, – сказал Лангуасс. – Я сам здесь разберусь.

Пират направился к вампирше, но Квинтус быстро встал между мучителем и жертвой. Он протянул руку, будто приглашая Лангуасса вложить раскаленный докрасна кинжал ему в ладонь. Пират вздрогнул, отдернул лезвие к своей груди, побледнел, и Ноэлу показалось, что жар лезвия проникает даже через ткань.

Лангуасс не смог ударить монаха и убрал нож.

– Вы здесь гость, – сказал твердо Квинтус, – и то, что делаете здесь, касается не только вас. Происходящее в нашем – и Божьем – доме касается нас и Его. От Его имени я прошу вас уступить. Вы – вор и убийца, но вы еще не отлучены от веры. Мы бы не хотели этого, я надеюсь, что имя Христа что-то для вас значит. Вы действительно хотите навлечь на себя проклятие?

Ноэл не верил, что угроза отлучения от церкви много значила для Лангуасса, но, наверное, законы гостеприимства значили больше. Так или иначе, пират молчал, не шевелился. Квинтус овладел положением.

– Благодарю за снисхождение, – сказал он Лангуассу. – Если вы уберете марокканскую женщину и вашего хихикающего турка, я присмотрю за делами, покараулю до заутрени.

Но это было слишком, и Лангуасс отрезал:

– Нет!

Несколько мгновений монах и пират старались пересмотреть друг друга. Хотя Лангуасс легко превзошел Ральфа Хейлина, Квинтус оказался более твердым орешком. Монах опустил глаза, но сделал это по своему желанию.

Лангуасс остался доволен этой маленькой победой.

– Аббат был любезен со мной, – сказал он. – Я всегда был другом Истинной церкви и не навлеку на себя ее гнев. Теперь вы можете идти; все завершилось.

Квинтус медленно поклонился:

– Я готов услышать ваше честное слово, что вы больше не навредите госпоже.

– Я даю его, – ответил Лангуасс с максимальной издевкой. – Но тем не менее сам буду присматривать за ней. Что касается ее ран, то Кордери их залечит.

– Благодарю, – сказал Квинтус, бросив взгляд на Ноэла, который согласно кивнул.

Цыганка отпустила плечо Ноэла, поблагодарив его взглядом, хотя он знал, что ничего не сделал – и ничего не достиг бы, если бы не Квинтус.

Лангуасс вместе с турком медленно вышли из камеры. Ноэл повернулся к Квинтусу, развязывавшему руки вампирши. У него опять засосало под ложечкой, он хотел выйти, чтобы больше ничего не видеть и не знать. Но остался, чтобы проявить великодушие по примеру Бога, в которого он никак не мог поверить всем сердцем.

Лангуасс решил сделать последний жест пренебрежения, и за уходящим Квинтусом послышался звук закрываемой двери. Дверной засов глухо шелкнул в скобах, оставил Ноэла с раненой женщиной.

7

Ноэл помог Кристель лечь на лавку, служившую ей кроватью. Прикрыть ей спину не осмелился. Ее руки были холодны, и это тревожило. Жаровня стояла рядом, и он надеялся на ее тепло.

Она была в сознании, но казалась изнуренной. Злоба, с которой женщина смотрела на своего мучителя, прошла. Ноэлу стало ясно, власть вампира над болью не безгранична. Кристель прикладывала определенные усилия, чтобы контролировать себя.

– Не бойся, – обратилась она к нему, – я не обижу тебя.

Ноэл улыбнулся, показывая, что не чувствует страха, хотя на душе скребли кошки.

– Помочь чем-нибудь? – спросил он, думая о воде или мази. Мази не было, но фляга с водой стояла рядом.

– Больше всего, Кордери, – сказала вампирша мягко, – мне нужна порция твоей крови.

Юноша смутился, подумав, что она смеется над ним, но темные глаза глядели вполне серьезно, и он понял не шутит.

– Я не понимаю этого, – прошептал он. Через мгновение прибавил: – Кровь ведь не накормит вас.

– Она мне необходима, – так же шепотом сказала женщина. – Я так нуждаюсь в ней, что даже говорю об этом с трудом. Я не буду заставлять тебя, ты был приветлив со мной, но клянусь – опасаться нечего. В этом нет никакого риска.

Если бы дверь была открыта, Ноэл ушел бы, чтобы скрыть растерянность. Помедлив, подобрал с каменного пола один из ножей Лангуасса.

– Не уходи, Кордери, – быстро сказала она, не зная, что дверь заперта. – Ты не знаешь, что сделали с Мэри? Они могли ранить ее.

– Думаю, они оставили ее в покое.

Ему было стыдно из-за невыполненного обещания защитить девушку. Он даже не знал, что с ней. Ее могли ранить. Показалось подозрительным, что не слышно шума в камере рядом.

Ноэл отодвинул второй нож ногой, затем поднял, хотя тот еще был горячим. Отбросил оба ножа в угол мрачной клетки. Свет фонаря мерцал, отбрасывая на стену танцующие тени, как будто сообщая о появлении демонов – злых духов над распростертым телом намеченной жертвы.

– Они не пустят ко мне Мэри, – сказала Кристель еле слышно. – Когда она закричала, Лангуасс приказал своим людям заставить ее замолчать. Как бы она не умерла.

Вампирша медленно села, одеждой прикрыв наготу.

Ноэл поморщился от мысли о боли, причиненной ей ударами по спине, но тут же обругал себя, вспомнив, что она может терпеть удары и ожоги. Ей вряд ли больно от прикосновения шерстяной одежды. Даже если так, черты ее лица заострились, и было трудно поверить в отсутствие страданий.

«Откуда мы знаем, как она может чувствовать. Можно ли чувствовать боль в полной мере и не признавать это в силу долга», – размышлял Ноэл и решил, что это невозможно. Ни одно существо, независимо от его сущности, не в состоянии сдержать крик, если его пронзил огонь раскаленного докрасна ножа. Но кто, кроме самого вампира, может сказать, что чувствует вампир, когда его кожу рвут или жгут? Кристель чувствовала себя плохо: неужели Лангуасс был прав, и ее можно заставить говорить, если она действительно знает что-то ценное?

Ноэл смотрел на нее, не зная, что сказать.

– Не надо извиняться, Кордери. Не надо меня жалеть. Если Ричард схватит тебя, его обращение с тобой будет таким же, как обращение пирата со мной.

– Почему? – спросил вдруг приободрившийся Ноэл. – Из-за моего родства с человеком, убившим женщину его двора, или потому, что я знаю, как сделать микроскоп?

Она неподдельно удивилась вопросу:

– При чем здесь эта игрушка? – спросила она.

Ноэл понял: следует поостеречься. Нельзя сказать наверняка, что будет с ней, если Лангаус увезет ее из аббатства. Их любопытство сплелось в странной игре.

Она была не прочь поговорить, может быть, для того, чтобы забыть о своих ранах и жажде, утоляемой кровью.

– Мой отец полагал, что прибор может многое рассказать об организме и жидкости в нем, – сказал Ноэл. – Он знал, Ричард хотел убить его, опасаясь, что отец откроет природу человеческой плоти и плоти вампира.

Кристель смотрела на него внимательно, хотя ее лицо еще оставалось бледным. Истощенная, она меньше походила на вампира, кожа ее слегка потускнела, но теперь Кристель опять держала себя в руках, самообладание почти вернулось к ней.

– Эдмунда Кордери следовало арестовать за его тайное предательство, – сказала она. – Какому тщеславию он поддался, поверив в вероятность узнать что-то для себя с помощью странного прибора для подглядывания? Разве человеческие души можно разглядеть, как мышцы? У Ричарда есть магический кристалл, которым пользовались Дэлон Ди и Эдвард Келли; я смотрела в него и думала, что увидела ангельское воинство, но даже этот прибор не может научить Келли, как стать бессмертным.

– Это не волшебство, – возразил Ноэл. – Отец не верил, что в появлении вампиров участвует магия: просто необходимо понять процесс.

– Все это стремление механика, – сказала она и усмехнулась с легкой иронией, – представить мир и живую ткань как машину. Но чего он хотел? Надеялся на смерть вампира или мечтал сам стать одним из них?

Ноэл не был уверен в ответе, но притворился, будто знает его:

– Он сумел убить одного вампира. Со временем, с помощью микроскопа, зная мир клеток и частичек, смог бы убить вас всех.

– Он был глупцом? – ответила Кристель. – Кроме Кармиллы Бурдийон, вампиры не умирали, но обычные мужчины и женщины постоянно умирают на лондонских улицах. Об этой болезни идет дурная слава, ею болеют больше обычные люди, чем вампиры.

– Но Кармилла Бурдийон мертва, – возразил Ноэл.

– Ты гордишься этим, Кордери? Жестоко покончить с милым созданием, которое могло существовать тысячу лет. Знаешь ли ты, сколько ей было лет?

– Четыреста пятьдесят, – сразу же ответил Ноэл, сообразив слишком поздно, что мог раскрыть свое знакомство с «Вампирами Европы» – запрещенной книгой, хранившей истории многих вампиров.

Но она только улыбнулась:

– Ты, наверное, считаешь, будто можешь понять, что значит жить, как мы, в тени вечности. Думаешь, это похоже на твою собственную жизнь, только дольше, и все. Полагаешь обычным делом, что мы можем жить без печали, боли, гнева. Но не можешь представить, насколько мы в самом деле разные. Ты не имеешь понятия о нашей природе, нашем прошлом, бедный мотылек... короткий блик в тени жизни.

– Я понимаю, почему вы так жестоки, – сказал он. – Понимаю, как ваша невосприимчивость к боли заставляет страдать других, поэтому во всей Галльской империи пытки – обычная вещь. Я слышал истории об Аттиле, Дракуле. Вы, галльские вампиры, думаете, что вы – лучшие существа, соблюдающие рыцарский кодекс Шарлеманя, с его скромностью, благородством и великодушием. Но даже в Тауэре творятся вещи, позорные для его строителей, все виселицы в Лондоне переполнены жертвами. Почему я должен считать вас или другую вам-

пиршу лучше Эржебет Батори, принимавшей ванны из крови детей, чтобы стать прекрасной и сделаться царицей Востока? Я знаю, порок живет в вас, поэтому не заблуждайтесь относительно того, что я хотел для вас сделать сегодня ночью. Возможно, моя вина в том, что проделки Лангуасса мне не по душе.

Эта вспышка гнева озадачила Кристель.

– Наша жестокость не безрассудна, – сказала она с напускной искренностью. – Эржебет Батори была осуждена за свои преступления даже в империи Аттилы. Ее замуровали в собственном замке – разве не знаешь?

– Но не ответили ее же собственной монетой, – произнес Ноэл с досадой. – Она не страдала, как заставляла страдать других. В могиле она просто уснула и может проснуться в любое время, готовая вернуться к жизни. Через какое время она умрет, по вашему мнению? Или может голодать вечно?

– Я не знаю, – сказала Кристель. – Но она платит за свои деяния по закону. Закон поддерживает равновесие, а если бы миром правили обычные люди, имения были бы разорены и законы соблюдались бы с трудом. Разве у мусульман нет палачей? Разве они славятся своей добротой? Даже сотой части страданий не существовало бы в мире, если бы обычные люди удовлетворялись тем, что им дал Бог. Если бы они жили, как должны, у них было бы бессмертие в раю.

– Лицемерие! – воскликнул Ноэл. – Вампиры не следуют Христу по-настоящему и любят жестокость больше, чем простые человеческие существа. Отец рассказывал мне, как вы обошлись с Эдвардом Дигби за его участие в «Пороховом заговоре». Его протащили лошадьми по улицам, повесили, кастрировали и четвертовали. Представляете ли вы себе, что люди могли сотворить такую пакость, если бы он пытался убить обычного князька? Ваша жажда человеческой крови и человеческих страданий – ужаснейшая вещь на земле, и, что бы ни говорил ваш марионеточный папа, Бог не может такого позволить. Разве Христос разрешил вам пить человеческую кровь?

Она ту же завернулась в одежду и опустила глаза:

– Кровь, что я пила, мне давали по желанию. Большею частью по любви или, по меньшей мере, со лживыми обещаниями любви. Кордери, а ты бы не дал свою кровь, если бы любил? Ваш Спаситель не стеснялся кровоточить ради любви к людям, и вы пробуете эту кровь при причастии, не так ли?

– Это разные вещи, – возразил Ноэл.

Она опять посмотрела на него, будто готовясь пронзить взглядом. Усталости и уныния больше не было в ее лице, да и голос совсем изменился.

– Если бы ты любил меня, Ноэл Кордери, – сказала она, – разве ты не предложил бы своей любимой в дар собственную кровь? Разве ты не предложил бы ее с радостью, как Эдмунд Кордери Кармилле Бурдийон? И отказывая мне в ней, разве ты не пытаешь меня по-своему, как это делал грубый и злой пират?

Ее взгляд завораживал, к чему она и стремилась, Ноэл не мог оторвать от нее глаз. Разве он мог отрицать, что Кристель лучше любой обычной девушки? Как он сам мог избавиться от желания? Выбора не оставалось: желание бушевало, как ветер из ада, желание сверхъестественной силы. Он все же не был монахом, и если вампирша взбудоражила его больше, чем цыганская так называемая «принцесса» или бедняга Мэри Уайт, не отражался ли в этом весь мир? Прав ли Лангуасс в том, что ее красота – чудовищная ловушка, а она – сирена, сатанинская девка? Так это или нет? Что должен думать, чувствовать и делать человек?

– Я не люблю вас, – ответил он сдавленно и сразу понял, как неловко звучит ответ, повторивший ее тон. Он перекрестился, но не демонстративно, а застенчиво и незаметно, как бы ища в кресте свою защиту.

– Кармила Бурдийон могла бы любить тебя, – сказала женщина, – как любила твоего отца. Ты мог бы найти такой покой в ее объятиях, что возненавидел бы жизнь, которая предстоит тебе. В этом покое Эдмунд Кордери не отказал себе, даже когда намеревался убить ее, теряя многое сам.

Юноша попятился назад перед этим странным наступлением, чувствуя угрозу в словах, а не движениях. Опомнился он у каменной стены, будто прикованный к ней своим изумлением.

Но Кристель не смеялась над его тревогой. Она опять стала мягче и смотрела с невинностью ребенка:

– Пожалуйста, Ноэл, пожалей меня, подари немного крови.

– Нет, – ответил он хрипло, – не могу. Я не стану. – Ноэл отвернулся, прислонившись лицом к двери, желая, чтобы та открылась.

Когда наконец он повернулся, Кристель не была настроена обращать на него внимание. Она подобрала ноги под себя, свернулась клубком, будто устраиваясь на столетний сон вампиров, пробуждающихся, только когда кто-нибудь омочит их иссохшие губы кровью.

Под черными прядями на бледном лице больше не было шрама от ножа Лангуасса. Со временем исчезнут раны на ее спине, как будто их и не было. Шрамы и рубцы, без сомнения, остались на спине Лангуасса, причиняя ему боль при всяком прикосновении. Они, вероятно, так врезались, что не исчезнут, даже если ему удастся стать бессмертным. У некоторых рыцарей Ричарда, обращенных в вампиров в пору зрелости, остались знаки старых ран, которые уже нельзя удалить. Лангуассу было все равно, как выглядеть: он был горд рубцами – следами боли, из которой черпал свободу.

«Настанет ли конец, – думал Ноэл, – кровавой дани, собираемой вампирами с простых людей, – не только ручейком, текшим в свободной любви, но потоком из-под кнута палача, меча воина?» Все правление вампиров, казалось, измерялось шрамами и грабежами шрамами на избитой спине Лангуасса, шрамами на измученной груди Эдмунда Кордери, грешными рубцами на душах бессмертных, не спешащих встретиться со своими судьями и создателями.

«Я не хочу шрамов», – сказал про себя Ноэл так страстно, что эти слова чуть ли не прозвучали вслух.

Сказав это, он почувствовал грех Адама в груди невыносимое желание, освободить от которого могла только кровь.

– О Квинтус, – пробормотал он, садясь в угол, втискиваясь между стеной и дверью, – в конце концов я только горсть плоти?! Я бы помолился и попросил Бога изменить меня, но прекрасно знаю, Он не сделал бы этого, если бы даже мог.

8

От сонного небытия Ноэла пробудил скрежет дверного запора. Он медленно поднялся, подобрал с пола брошенные накануне ножи и повернулся к открывающейся двери.

Это Селим, а не Лангуасс пришел освободить его. Турок хмуро кольнул глазами (они одни только оставались человеческими на изуродованном лице), сделав знак следовать за ним. Ноэл обернулся к вампирше, в молчании оставшейся на своей кровати. Подобрал плащ, в который та завернулась, медленно и осторожно поднял его, опасаясь, что запекшаяся кровь, пристав к ткани, потревожит. Этого не произошло. Глядя на обнаженную спину, Ноэл не мог поверить, что всего несколько часов назад на нее сыпался град ударов. Крови почти не было, шрамы зарубцевались. Только там, где прикладывали раскаленный нож, остался большой уродливый рубец, алый и блестящий.

Кристель не проснулась, и Ноэл угадал по ее неподвижности, что не проснется совсем – ни сегодня, ни завтра. Она впала в глубокую кому, на которую способны вампиры и которая может длиться и год, и сто лет. Она может просыпаться время от времени, чтобы найти так необходимую кровь. Ее раны затянутся, но останется пустота голода, которую может заполнить только кровь.

Ноэл мягко положил плащ на место, вышел. Турок указал на проход к монастырю, но Ноэл, отдав ножи, просил подождать. Пока Селим запирает камеру вампирши, юноша снял запор с двери в камеру Мэри Уайт, вошел внутрь.

Мэри лежала на соломенной подстилке со связанными руками, кляпом во рту, в разорванной одежде. Она зашевелилась, но не видела, кто вошел, ей было страшно.

Он быстро подошел к ней, успокаивающе произнес ее имя, вытащил изо рта кляп, стал развязывать руки. Она слабо всхлипывала, Ноэл налил ей воды из кувшина. Девушка пила жадно, но продолжала молчать, отворачивая лицо с болью и стыдом. Он понял – ее изнасиловали, и теперь она мучается лихорадкой от бессонницы и страдания. Она вздрогнула от прикосновения, он не знал, что делать.

Хотел спросить, кто оскорбил ее, но вопрос замер на губах, когда Мэри отпрянула.

«В конце концов, – подумал он, – я только бесправный среди бесправных. Почему ей не шарахаться от меня?»

Вина наполнила его болью.

– Я пришлю монаха. Он принесет лекарства, чтобы ты уснула.

Она пыталась ответить, но не смогла. Взгляд умолял о помощи, которую он не мог дать. Он чувствовал, что предал ее и себя своим бессилием.

Ноэл не знал, куда идти, искал укрытия. Он не хотел идти ни в трапезную, ни к себе, ни в тихую церковь, где для него Бог отсутствовал. Сказав брату Иннокентию о состоянии Мэри Уайт, юноша направился в библиотеку.

Он не мог объяснить точно, почему предпочитал это место другим, но оно было единственным, в котором имело смысл находиться. Сначала он побыл наверху, но когда колокольный звон известил, что монахи пошли к заутрене, спустился вниз, чтобы прочитать в «Вампирах Европы» о Кристель д'Юрфе.

О ней мало говорилось в книге, большинство авторов которой интересовались деятельностью и амбициями вампиров-мужчин. Ноэл прочел, что она была относительно молодой вампир, родилась в Малой Нормандии примерно в 1456 году и была младшей дочерью кузена маркиза де Верни. В 1472 или 1473 году стала любовницей рыцаря-вампира Жана де Кастри, жившего тогда в Реймсе. Там же и стала вампиром. Кажется, она не была в Аахене при дворе Шарлеманя, и де Кастри привез ее в Большую Нормандию в 1495 году – видимо, из-за ссоры

с князем Жоффри. Однако де Кастри вернулся в Реймс, уладив ссору, и оставил Кристель при дворе Ричарда.

В списке любовников Кристель Ноэл отметил только одно имя: авантюриста из Реймса, который женился на дочери Генри Тюдора и Нэн Беллен, до того как его казнили за измену. Ее преступления были банальными, и Ноэл посчитал, что ей, как иностранке при дворе Ричарда, привезенной рыцарем издалека, приписывали лишь самые мелкие интриги.

Поставив книгу на место и возвратившись в освещенную солнцем комнату наверху, юноша не мог заставить себя читать. Он сидел наедине со своими мыслями и смотрел на облака, гонимые с моря западным ветром.

«Если бы это было время Эльфина, – думал он, – когда вампиры еще не пришли на британскую землю и правда еще могла явиться миру в голосах честных людей».

Позже как обычно пришел Квинтус.

– Я очень сожалею, – сказал монах, – о случившемся ночью. Мы ничего не можем сделать с пиратом, он всех нас держит в своих руках. Не думаю, что он порочный человек, но когда у него плохое настроение – сходит с ума. Собственное положение страшит его, хотя он и не осмеливается показать это. Мы должны молиться, чтобы ничего не обеспокоило его до отъезда.

– Что будет с Мэри Уайт? – спросил Ноэл.

– Я попрошу, чтобы ее оставили здесь, мы можем найти ей место в монастыре, – задумчиво ответил монах.

– Хотя мы и не желаем ей зла, – сказал с горечью Ноэл, – она так же опасна для нас, как и для Лангуасса. Если она когда-нибудь расскажет, что с ней здесь случилось, нам всем конец. И почему она должна прикусить язык, если дом Господень не дал ей настоящего убежища? Пусть мы и добрые христиане, нам, возможно, следует молиться, чтобы Лангуасс убрал ее, взял с собой как девку бандита, или убил, после того как ее изнасиловал самый подлый из его компании. Она не виновна в преступлениях и все же угрожает и моей, и вашей безопасности. Этот грязный мир насылает на нас такую напасть.

– Я буду просить Лангуасса оставить ее, – сказал Квинтус опять, уже более определенно. – Скажу, что мы отошлем ее к монахиням. Я молюсь, чтобы он отпустил девушку и монахини убедили ее не выдавать нормандцам, что с ней здесь произошло.

– И вампирша? – спросил Ноэл. – Вы ее тоже отошлете в монастырь?

Квинтус покачал головой:

– Я не знаю, что с ней делать, пока она спит, но уверен, Лангуасс ее не отдаст.

– Я не знаю ничего, – сказал Ноэл срывающимся от волнения голосом. – Несмотря на все мое учение, мне неизвестно, что я должен знать. Не знаю задач Невидимой коллегии, приютившей меня после смерти отца. Не знаю целей спокойных монахов, следующих тому, что они называют Истинной верой, отказывающихся в ней и Александру, и Грегори. Не знаю, что остается для обычного человека в этом мире царственных вампиров и мстительных разбойников. Я думал, что знаю многое. Верил в смелый идеал сохранения истинной Христовой церкви от разрушения лживым папой и его монахами-инквизиторами. Думал, что понял, почему придворные могут входить в тайное общество, готовя заговор против вампиров. Я считал даже, будто знаю, что может сделать пират-герой, завоевывая океаны для обыкновенных людей, хотя суша принадлежит империи вампиров. Теперь вижу, что не знаю ничего.

– Это важное открытие, – произнес Квинтус бесстрастно, – оно пугает всех нас.

– Не переносу софистику, – отрывисто сказал Ноэл. – Кажется, вся справедливость, сострадание, смелость и мудрость спрятались, а в том, что мы делаем открыто, заложено только коварство, хитрость, страх и безумие. Почему мир обманывает себя? Почему люди не сплотятся большими армиями и не сразятся с вампирами, дабы разрушить их империю, а не плести печальные тени скрытого сопротивления?

– Так уже делали, – ответил Квинтус. – Сотню раз люди выступали против вампиров. Но армии вампиров всегда побеждали. Они – отчаянные бойцы и ужасают своих врагов. Настолько умны, что сохраняют свою самую ценную награду для тех, кто наиболее храбро сражается за их дело. Это – основа их силы. Настанет другой день, когда добрые люди выступят против них, потом еще и еще, но им потребуется оружие, которое бьет вампиров лучше, чем стрелы или мушкетные пули. Если обычным людям придется когда-либо унаследовать мир, они будут нуждаться в пути, подготовленном такими тайными обществами, о которых вы упоминали; им понадобятся умы, подготовленные мудростью Невидимой коллегии, души, оформившиеся под влиянием Истинной веры. Без первых нельзя завоевать мир, без вторых его не стоит завоевывать.

– Но в монастыре есть такие, – сказал Ноэл. – Истинная вера требует не сопротивления, но терпеливой сдержанности, не имеет значения, что материальный мир был отдан господству порока, так как есть более ценное бессмертие, ожидающее нас в раю. Некоторые из наших братьев могли бы просить нас подчиниться временной власти вампиров, спасая души. Отдайте кесарю кесарево, а Богу – Богово!

– Вы поступили бы так? – спросил монах.

– Как мы можем знать, поступаем ли мы правильно? – спросил Ноэл почти умоляющим голосом. – Как мы можем убедиться, что именно обыкновенные люди, а не вампиры – богоизбранный народ? Допуская, что они не совсем дьявольское отродье, а были созданы Богом или Адам, почему нам не думать, что Бог поставил их над нами? Откуда нам знать, что делать для исправления мира?

– Бог прислал нам своего единственного сына как смертного человека, – мягко сказал Квинтус. – Иисус умер за нас, показав путь к спасению. Только смерть может освободить от грехов. Это тяжкий путь, но единственный, который может привести нас в Царство Божие. Другое бессмертие – соблазн. Я не могу честно сказать, то ли это самая хитрая проделка черта, то ли Божий дар, который люди научатся однажды использовать, но знаю, вампиры используют его дурно, против интересов человека и Господа. Сопротивляться их империи не только молитвой и отрицанием, но и действием законно. Как наш Отец прогнал ростовщиков из храма, так мы можем прогнать правителей-вампиров.

Но Ноэл взял Библию там, где оставил ее два дня назад, открыл Евангелие святого Иоанна. «53. Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. 54. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. 55. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие». Прочитав, юноша остановился, чтобы посмотреть на выражение лица своего наставника, но Квинтус промолчал.

– Может быть, это завет Бога вампирам? – спросил Ноэл. – Разве не следуют они ему верно, хотя и по-своему? Может быть, в судный день к Ричарду, а не к нам будет обращена благосклонность Божья? Они не нуждаются в нашей крови как пище для своего организма – так чем же может быть для них обычная кровь, как не духовной пищей? А что если именно их путь ведет к спасению, а не наш?

Квинтус, признавая боль сомнений и печали, не обвинял его в святотатстве. Он лишь сказал:

– Дьявол – это кривляка, он искажает и уродует истинную доктрину, создавая лживую. Вампиры – насмешка над посланием Спасителя, чей истинный смысл заключен в Святом Причастии. Иисус направлял свое послание человеческим существам, Ноэл. В то время не было вампиров ни в Галлии, ни во всей Римской империи, которую святой Павел решил обратить в веру. Я не поддерживаю Грегори в утверждении, что вампиры – это дьяволы в человеческом обличье, но верю. Сатана направил Аттилу против святого царства, когда оно стало слишком большой силой добра.

Ноэл только озабоченно покачал головой.

– Скажите мне правду, – сказал наставник мягко, – вас волнуют не уроки Библии и истории, а жалость к вампирше. Красота – только чары, Ноэл, и самая обманчивая магия.

– Так и Лангуасс сказал мне, – ответил Ноэл, – я этому верю. Но не чувствую это. Когда я видел издевательства над бедной Мэри и слышал, как смеется порочный турок, глядя на пытки Лангуасса, я не верил, что Бог смотрит на это или что Писание может сказать нам, кем быть и что делать. Мы должны найти наш собственный путь, Квинтус, но не знаю, как это сделать.

– Помолитесь за служанку, – указал Квинтус. – Если это утешит вас, помолитесь и за вампиршу. Подручные Сатаны были когда-то ангелами, может быть, они еще способны к обращению. Но прежде всего мы должны молиться за пирата, его душа – под опасностью проклятия, но его еще можно спасти.

Но Ноэл не успел даже приступить к молитве, когда прибежал аббат, красный от возбуждения, и сообщил, что к аббатству скачут вооруженные люди. Они ехали не из города, но по проселку из Лэмпитера и, хуже всего, вместе с черными монахами.

– Пират готовится к сражению? – быстро спросил Квинтус.

– Да, – ответил аббат. – Это его человек увидел людей с колокольни. Он хочет устроить засаду – хотя у него несколько пистолетов против их мушкетов и пик.

– Глупец! – воскликнул Квинтус. – Он должен бежать, если может.

Квинтус быстро говорил Ноэлу, который был оглушен до такой степени, что не мог подняться с места:

– Не показывайтесь на виду. Подготовьтесь к выезду в город, чтобы надежно спрятаться там, и держитесь подальше от пирата, если сможете.

Ноэл медленно поднялся, как бы следуя за выбежавшим, но почувствовал, что не представляет, в каком направлении идти.

9

Ноэл пошел к себе через заднюю лестницу, намереваясь вернуться тем же путем. Хотел собрать вещи, вернуться к церкви и выйти на север через калитку. Юноша знал людей в городе, которые укроют его после того как он переправится через реку, не будучи замеченным. Квинтус придет к нему, когда это будет безопасно, но вряд ли можно будет вернуться в аббатство, если туда прибыли черные монахи.

Едва Ноэл уложил вещи, как дверь распахнулась. Он повернулся, ожидая увидеть Лейлу, но это была девочка, служанка цыганки. В ее черных глазах застыл страх:

– Моя госпожа прислала меня к вам. Она просит, чтобы вы спрятали меня, укрыли на время схватки.

Ноэлу уже было о ком позаботиться, но перед ним стоял ребенок. Лейла не рассказывала, как привезла с собой служанку. Кордери думал, что та была рабыней у арабов, как и сама Лейла. По внезапному побуждению он сказал:

– Тогда пойдем со мной, здесь небезопасно.

Девочка кивнула с доверием, и они вышли. В коридоре встретили Лангуасса, пришедшего за Ноэлом. Пират удивился, увидев девочку рядом с ним, и улыбнулся при виде этой пары.

Ноэл заговорил первым:

– Вы должны спрятаться, Лангуасс. Монахи защитят вас, с вашего позволения.

– Нет, Кордери, – ответил пират. – На этот раз хочу отплатить добрым монахам за гостеприимство, которое они мне оказали. Здесь только капитан с шестью людьми, с ними пара доминиканцев, забредших случайно, я в этом не сомневаюсь. У меня вдвое больше людей и преимущество в неожиданности; более того, мне нужны их пушки и порох. Куда же вы хотите идти? Я думал, ты останешься со смазливой вампиршей, а не с этой девчушкой, или ты сам еще как ребенок, запутавшийся в безнадежной влюбленности?

– Отправляйтесь со мной, Лангуасс, – торопливо сказал Ноэл. – Я проведу вас по полям. Хейлин встретит нас завтра, а до назначенного часа мы сможем прятаться. Сражение может только принести беду всем нам.

Но Лангуасс покачал головой:

– Те поля – плохое укрытие. Кроме того, от них несет. Всадники уже рядом, и они увидят нас, если мы попытаемся бежать. Вы можете уйти в суматохе, которую мы поднимем, поэтому уходите, пока не поздно. Но если ты решишь иначе, тебе лучше уехать со мной, чем оставаться в этом мрачном Уэльсе. Ты будешь свободен только в чужой стране или в море, куда вампиры боятся идти. Оставаясь здесь, скрываясь в подвалах, обязательно нарвешься на предателя, за тридцать гиней или дешевле. В Уэльсе столько бедняков, они продадут свою мать за половину этих денег.

– Вы приносите сюда несчастье, – повторил Ноэл, когда Лангуасс приготовился уйти, и сразу же понял – пират принес несчастье, уже когда переступил порог, след его присутствия не так легко смыть. Новые убийства увеличат количество его преступлений, но даже если Лангуасс согласится сдерживать себя, это мало бы чему помогло.

– Я иду к Квинтусу. – Подумав, Ноэл отказался от предыдущих планов. – Он должен сопровождать меня, чтобы убрать запрещенные книги из библиотеки. Доминиканцев будет много, если они узнают о гибели своих людей. Монахи, в свою очередь, должны бежать и искать убежища.

Он пошел к задней лестнице, девочка за ним. На нижнем пролете попросил ее подождать – она не могла идти в монастырь.

Во внутреннем дворе Ноэл нашел брата Мартина, но не успел и заговорить, как монах попросил его возвратиться во внешний двор, позвать оставшихся на собрание в церковь.

Ноэл колебался, но по словам Мартина понял, что монахи знают о замысле Лангуасса и не нуждаются в советах. Он пошел выполнять просьбу, думая найти Квинтуса в церкви, когда там соберутся обитатели аббатства.

В купальне он увидел рядом с бочонками двух мальчишек, с явным любопытством наблюдавших за происходившим во дворе и не собирающихся уходить. Ноэл должен был коснуться плеча одного из них, чтобы его вообще заметили, но даже тогда они ни в малейшей степени не выказали намерения следовать за ним. На дороге послышался стук копыт, и черный монах въехал в раскрытые ворота, опередив свою группу, возможно, для того, чтобы аббат заранее приготовил провизию для посетителей.

Сердце Ноэла зануло – было слишком поздно что-либо придумывать. Он стоял как вкопанный и смотрел во двор, где разыгрывалась трагедия.

Всадник огляделся и с досадой увидел, что поблизости никого нет. Ноэл спрятался за дверью купальни, зная – так же прячется еще дюжина людей, ожидая, что в западню попадут оставшиеся всадники.

Доминиканец испустил громкое «Эй!», разворачивая лошадь на брусчатке.

Было ясно – отсутствие ответа беспокоит его. Ноэл посчитал, что всадника необходимо отвлечь, иначе западня не сработает.

И тут он увидел человека в монашеской сутане, торопящегося от ворот во внутренний двор. На мгновение Ноэл подумал, что это брат Стивен, но тотчас понял, что идет один из пиратов, чья натуральная лысина напоминала тонзуру. Эта выходка позволила приблизиться к лошади, взять ее за уздечку. Нахмурившийся доминиканец, не ожидая беды, начал спешиваться. Пират оставил лошадь, схватил монаха за горло и потащил в сторону, будто собираясь задушить.

Доминиканец был достаточно силен и рвался к поводьям лошади, стараясь оторвать руку от своего горла. Пират все еще шарил под сутаной в поисках оружия, запутавшегося в складках одежды. Пока они оба топтались по двору, в ворота въехал второй монах. Схватившись при виде происходящего за поводья, он издал предупреждающий крик.

В одно мгновение пираты высыпали из своих укрытий. Вооруженные пистолетами ринулись ю воротам, чтобы стрелять по вооруженным. Но засада не удалась, в открытые ворота проскакал только капитан, немедленно сраженный пулей. Люди на дороге соскочили с лошадей и, прячась за ними, торопливо заряжали мушкеты. Однако большинство пуль попало в лошадей, которые пятились и ржали, преграждая нападающим путь к тем, с кем они хотели расправиться.

Ноэл плохо видел, что происходит у ворот после нападения пиратов, но звон стали говорил: обе группы сошлись в рукопашной и не могли стрелять, сражаясь мечами и ножами. Он услышал только один мушкетный выстрел.

Он видел, как Селим схватил второго монаха за ногу, стаскивая с седла. Турок был значительно сильнее доминиканца, который не выдержал и тяжело упал. Ноэл понял, что тот разбил себе череп.

Турок рванулся на помощь пирату, переодетому в монаха. Пират наконец вытащил кинжал и старался ударить монаха, которого держал, но тот отпустил уздечку и уклонялся от ножа, прыгая в разные стороны, как ребенок, скачущий в веселой игре. С помощью турка пират свалил монаха и нанес ему смертельный удар, после чего они бросились к свалке у ворот.

Оба мальчугана, более возбужденные, чем испуганные, устремились посмотреть на происходящее, и Ноэл, после секундного колебания, поспешил им вслед. У ворот он увидел Лангуасса, обменивавшегося ударами меча с солдатом в шлеме, в то время как другой солдат припер к стене четверых только потому, что его меч был длиннее их мечей. На земле лежали двое убитых солдат, три пирата и две раненые лошади. Два других солдата уже ускакали, преследуемые двумя пиратами на захваченных лошадях.

Глядя на дорогу вслед им, Ноэл подумал, что солдаты достигнут моста быстрее своих преследователей, и решил, что это не имеет большого значения. Схватка происходила на гребне холма, за ней наблюдали путники на дороге, и тревожное сообщение должно обязательно достигнуть Кардиганского замка.

Ноэл схватил глазеющего мальчугана, встряхнул его и приказал бежать в церковь к монахам и звонить во всю мочь в колокола, вызывая помощь. Отговорки в незнании не имели смысла – монахи должны были оказать сопротивление незванным гостям. Это значило, что он должен бежать и Квинтус тоже, и не в город, а на север.

Ноэл посмотрел на схватку и увидел, что Лангуасс победил противника, нанеся ему тяжелую рану. Четверым пиратам удалось приблизиться к солдатам, хотя один из них получил сильный удар. На солдатах были легкие доспехи, и они не казались опытными бойцами. Им приходилось туго, и Ноэл понял: если бы не случайность, засада Лангуасса была бы успешной, но она оказалась бессмысленной.

Подъем чувств, вызванный победой, казалось, заглушил в Лангуассе сознание бессцельности засады. Он приказал своим людям собрать разбросанное оружие и все, что могло еще пригодиться. Он ни секунды не уделил своим раненым, но подошел к капитану, получившему пулю в затылок, и стал обшаривать окровавленное тело.

Ноэл смотрел на него с расстояния пяти ярдов, не в силах отвести взгляд.

Когда тревожно зазвучали колокола, призывающие к оружию горожан, Лангуасс взглянул наверх, будто в тревоге, но затем улыбнулся, перехватив взгляд Ноэла.

– Здесь нектар вампиров, Кордери, – сказал он, показывая руку, перепачканную в крови капитана. – Для нас, увы, это только духовная пища. – Он остановился, чтобы посмотреть на окровавленную бумагу, которую вытащил у убитого. Несколько секунд изучал ее и затем засмеялся. Опять взглянул на Ноэла и бросил ему бумагу, подхваченную ветром.

– Они вообще не за мной приходили, – закричал пират. – Я тебе говорил, что мир полон людей, которые продадут душу за тридцать гиней. Это ордер на тебя, Кордери, на тебя. Я думаю, что спас тебе жизнь, хотя чуть свою не потерял. Глупая цена за мальчишку – любителя вампиров, несомненно, но мы ее заплатили, и звонок зазвенел; пора нам смываться, потому что охотиться удобнее, чем бежать.

Ноэл поднял бумагу. Лангуасс был прав. Капитан прибыл арестовать его, отправившись из Монмаута. Видимо, он собрал доминиканцев в Бреконе, сообщив там о доносе на кардиганских монахов. Кто-то выдал его в Англии.

Озноб страха пробежал по телу, когда Ноэл вспомнил о своей матери, Кенелме Дигби и других людях, помогавших ему выбраться из Лондона. Сейчас нельзя было узнать, какая опасность им угрожала. Он посмотрел на Лангуасса, кричавшего что-то своим людям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.